

Елена ЛЕНЁВА

СЛЕД
ВИРАКОЧИ

16+

Елена Ленёва
След Виракочи

«Автор»

2020

Ленёва Е. В.

След Виракочи / Е. В. Ленёва — «Автор», 2020

Куда пропало золото инков? До сих пор загадка не дает покоя историкам и многочисленным кладоискателям со всего мира. Где спрятаны сокровища? В перуанской сельве или в Боливии, Чили, Парагвае? В мифическом городе Пайтити или в легендарной Вилькабамбе? Младший сын Уайны Капака — одиннадцатого правителя Тауантинсуйу оставил послание последующим поколениям, как найти сокровища Империи Инков. Но расшифровать его письма не так-то просто. Без помощи Виракочи — главного инкского бога — не обойтись! Александр Кузнецов, известный российский лингвист, выпускник Московского университета дружбы народов, по просьбе друга и однокашника Маркоса Браво прилетает в Перу, чтобы разобраться в трагических событиях, произошедших с их общим другом Иваном Хименесом. Оказалось, что разрешить современные проблемы невозможно без погружения в далекое прошлое инкской цивилизации.

© Ленёва Е. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Тawantinsuyu. Vilcabamba. 1536 wata	6
Глава Первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Ленёва

След Виракочи

Все имена и события вымышлены автором.

Однако...

Все, что вымышлено, – возможно.

«Comaradas y amigos, éste es el camino de las penalidades, pero por él se va a Perú a ser ricos. Por allí vais al descanso en Panamá, pero a ser pobres. Escoged».

Francisco Pizarro y González

«Товарищи и друзья, эта дорога страданий, но она ведет в Перу к богатству.

А та ведет на покой в Панаму, но к бедности. Выбор сделан».

Франсиско Писарро-и-Гонсалес, испанский конкистадор, завоеватель империи инков

Tawantinsuyu. Vilcabamba. 1536 wata

Яуару было почти одиннадцать лет, когда его единокровный брат Манко Инка Юпанки вынужденно покинул столицу Куско, а затем и крепость Ольянтайтамбо и подался с семьей и подданными в леса Вилькабамбы.

Большая беда пришла на земли инков. Белокожие люди, которые не признают Виракочу и поклоняются другому богу, вторглись в их страну, уничтожили привычный уклад жизни и принесли народу Тауантинсуйу страдания и болезни.

Поначалу брат Манко сотрудничал с белыми. Однако потом он понял, что эти люди совсем не заботились о процветании империи, их интересовали только сокровища (таким словом они называли изделия из белого и желтого металлов). Они насмехались над верой его народа и знатными людьми, грабили храмы, игнорировали их традиции. А когда главный белый человек отбыл к своему королю, его младшие братья стали творить совершенные беззакония. Один из них даже захотел взять в наложницы сестру Сапа Инки. Вот после этого Манко и решил сопротивляться нашествию белых. Его поддержали все старейшины. И он поднял восстание. К сожалению, не все удалось сделать так, как задумалось. Тогда брат забрал семью и верных сторонников и ушел в горные леса Вилькабамбы, чтобы противостоять белым из этих малодоступных мест.

Отец Яуара – Уайна Капак – одиннадцатый Сапа Инка земли Тауантинсуйу умер во время похода на север, где отца, старшего брата, а также многих других воинов настигла неведомая болезнь белых людей.

Уайна Капак взойшел на трон в семнадцать лет, поэтому и получил такое имя ¹. Он стал одиннадцатым верховным правителем империи, а первым был Инка Манко Капак. Все кечуа знают, что первый Инка – сын бога Солнца Инти и богини Луны Мама Килья; Инти отправил сына на землю, чтобы спасти людей от дикости, научить их заботиться о земле и чтить Виракочу ² – творца мира.

После смерти отца среди пятерых единокровных братьев Яуара начались раздоры. Трех уже нет в живых. Остались лишь Пауллу и Манко. Пауллу стал на сторону белых, и они признали его императором, а Манко понял, что с этими людьми нельзя иметь дело, поднял восстание и уехал в Вилькабамбу. Яуар отправился с ним.

Здесь, в Вилькабамбе, Манко Инка Юпанки решил обосноваться: построить город, открыть императорский двор и собирать силы для сопротивления завоевателям. А все кечуа – народ его страны – будут молиться и просить Виракочу о том, чтобы белые люди убралась из Тауантинсуйу.

Яуар любил брата и считал, что Манко – настоящий Сапа Инка. Яуар – самый младший из братьев. Он слишком мал, чтобы занимать трон. И это очень хорошо! Потому что он совсем не создан для власти. Отец говорил, что этому мальчику (он имел в виду Яуара) не предназначено быть правителем, а предназначено быть хранителем богатства инков. Потому что у него – Яуара – так же, как и у их прадеда Пачакутека Юпанки, есть диковинный дар, которым никто в империи не обладает.

Откуда взялся этот дар, Яуар не знал. И поначалу даже не понимал, что лишь он единственный им владеет, ему казалось, что любой кечуа может видеть «картинки» так же, как и он. Да-да, дело именно в них – странных и ярких живописаниях, которые приходят к нему, стоит только захотеть. Он пересказывает истории, которые появляются в его голове,

¹ Уайна Капак в переводе с кечуа означает «молодой правитель»; Сапа Инка переводится как «Единственный Инка» – глава Тауантинсуйу (государство инков).

² Виракоча – божество. В мифологии инков Виракоча является создателем цивилизации и одним из главных божеств.

брату, маме и старейшинам. К нему прислушиваются все, даже самые почтенные старики племени.

Но в последнее время картинки перестали ему нравиться: в них гибли индейцы и домашние животные. И виновны в том были белые люди, пришедшие на их земли: они убивали его сородичей и разрушали храмы Тауантинсуйю.

Яуар старался не расстраивать брата, считал, если он промолчит и никому не расскажет о видениях, то картинка так и останутся лишь образами в его голове и ничего из увиденного не произойдет. Тогда как пересказанные видения впоследствии обязательно случались наяву. Но, к сожалению, сбывалось и то, о чем он старался умолчать.

Яуару было два года, когда умер отец. Он не помнил его, он его чувствовал. Так же, как он чувствовал своего великого прадеда Пачакутека. Прадед «увидел» однажды, сто лет назад, что придут белые бородатые чужаки и разрушат их империю. Зная о том, что случится в будущем с Тауантинсуйю, Пачакутек – Девятый Сапа Инка – построил высоко в горах, над священной долиной реки Урубамба, у подножья Старой Вершины город, который он так и назвал – Мачуапикчу³, где возвел храмы, резиденции, фонтаны, бассейны, провел водопровод, установил на самой высокой точке ритуальный камень Интицутана (все индейцы знают, что в том месте привязано Солнце), а неподалеку от города соорудил хранилище богатств Инков. Мачуапикчу не так-то просто найти, а уж хранилище и вовсе невозможно обнаружить.

Богатство Инков: металлы богов и цветные камни – это слезы Солнца и Луны, которые доставляют радость богам своим цветом и блеском. Поэтому они так дороги индейцам. А для белых людей это всего лишь сокровища. Бледнолицые охотятся за ними; увидев предметы из желтого металла, который эти люди называют золотом, они становятся похожи на диких зверей: безжалостно плавят металл, превращая великие творения кечуа и аймара в бесформенную желтую массу, а затем переправляют украденные у народа богатства своему королю в далекую страну.

А еще белые люди никогда не держат слово.

Когда они захватили в плен брата Яуара Атауальпу, тот предложил выкупить свою свободу, обещал заполнить помещение, где он находился, золотом. И брат выполнил свое обещание! Его народ собрал для бледнолицых много желтого металла, но они все равно не сдержали слово и казнили Атауальпу...

Яуару уже одиннадцать лет. Но он мало разговаривает. Говорят, он особенный. Мама очень любит его, остальные окружающие благоговейно перед ним, считают, что он пришел из мира Пача Камака. Виракочи. Может, так и есть...

Яуар и сам не знает, зачем Виракоча дал ему этот дар? Ведь не просто так! Этот дар должен служить всем кечуа – народу его страны. Ведь он – Инка. Он потомок рода Инков, создателей империи.

Но что ждет его народ? И что ждет Яуара – младшего сына одиннадцатого правителя Тауантинсуйю?

³ ¹ Мачу Пикчу на языке кечуа означает «Старая Гора».

Глава Первая

Звонок из Куско. Санкт-Петербург. Наши дни

Гудки: пять... шесть... семь... Телефон разрывался.

Кому же так нейдет? И в воскресенье нет покоя.

Телефон затих, но через минуту вновь загрохотал. Подушка, в которую пришлось зарыться, не помогла. Рука потянулась за трубкой.

– Алло, – голос был глухой и недовольный.

– Алехандро, друг мой, я знаю, что у вас в Ленинграде семь утра.

О, Маркос!

– В Санкт-Петербурге... – губы всюду растянулись в улыбке, – уже больше двадцати лет...

– Не привык я к этому названию. Э-э... Ты спал, что ли? Или уже проснулся? Я помню, что ты ранняя пташка.

Маркос, конечно, не мог знать, что вчерашняя вечеринка по случаю дня рождения жены шефа закончилась в два часа ночи и спал его друг от силы часа четыре.

– Как она называется? Птичка... Забыл...

– Жаворонок...

Звонок с другого континента окончательно разбудил того, кого называли Алехандро. Недовольство испарилось, как будто и не было его вовсе. Маркос – друг, а друзья не могут мешать. Тем более друзья юности, с которыми знаком почти тридцать лет.

– Маркос, как я рад тебя слышать. А ты почему не спишь в столь поздний час? У вас там поди ночь совсем?

– Одиннадцать вечера.

– О... Что-то случилось?

– Я хотел бы сказать, что просто соскучился по тебе и решил поболтать, например, о теории алгоритмов...

– Чего-чего? Ты увлекся математической логикой, друг мой?

– Я говорю, что *хотел бы*, да. Чтобы доставить тебе удовольствие. Но... – он помолчал. – У нас беда, Алехандро.

– Беда?

– У Ивана убили дочь...

– Убили... Дочь... У Ивана?

– Да. Ей было всего четырнадцать. И она была красавицей. – Голос Маркоса дрогнул.

Алехандро молчал. Горло сдавил комок, мешавший говорить. Да разве только говорить... Дышать мешал! Что можно сказать, когда гибнут дети?!

– Маркос, как же так? – с трудом выговорил он. – Чем я могу помочь? Да и чем тут поможешь...

– Девочке уже ничем. – Маркос закашлялся, – но нам... Ты нам нужен, Алехандро. Мне и Ивану. Сначала исчез Хаймес, а теперь вот и у Ивана беда.

– Да что у вас там происходит, Маркос? В вашей тихой и чудесной стране? Это же не Колумбия! И даже не Бразилия!

– Происходит не в стране. А *у нас*. И ты можешь *нам* помочь.

– Я ничего не понимаю. Рассказывай.

Друг начал издаലെка:

– Алехандро, ты помнишь Зину?

– Зину? – он задохнулся... – Маркос, ты о Зиночке?.. Нашей Зиночке?

– Да, – тихо ответил он.

– Но... какая связь?

– Саша, дочка Ивана была убита точно так же, как и Зина.

– Объясни, я не понимаю.

У него разболелась голова. В висках застучало. Александр зажмурился, глубоко вздохнул, задержал дыхание, но это не помогло. Наоборот, отчетливо и зримо, как в кино, проявился тот жуткий день. Собственно, он никогда и не забывался. Как бы им всем ни хотелось, его невозможно вытереть из памяти.

...Зину нашли в недостроенном здании, недалеко от университетского общежития. Сначала показалось, что девушка спала, свернувшись в комочек, как маленький ребенок. Она и была ребенком: несмотря на свои восемнадцать лет, Зина казалась тринадцатилетней девочкой. Приехав в столицу из Казахстана, она поступила учиться в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Блестящая студентка, умница. Закончила первый курс с отличием. А на втором... Ее убили, накачав какой-то гадостью, а тело зачем-то уложили наподобие человеческого эмбриона во чреве матери. Сексуального насилия над ней не совершали. До сих пор неизвестно, кто и почему убил красавицу и всеобщую любимицу Зиночку Кусаинову – однокурсницу Александра, Маркоса, Хаймеса и Ивана.

Рядом с ней обнаружили игрушечную ламу и тряпочную куклу. Ламу эту подарил ей Маркос, и Зина не расставалась с игрушкой, все время носила ее с собой. Поэтому милиция долго допрашивала их всех, особенно Маркоса. К счастью, у него было алиби...

Голос перуанского друга вернул Александра в действительность:

– Сначала пропал Хаймес... два года назад...

– Я помню, Маркос. Помню, как мы искали его и бродили в горах, пытаюсь найти хоть какие-то следы, как плакала Мария.

– Ты не все знаешь, Саша, – прервал его Маркос.

– Неужели есть новости о Хаймесе?

– Кое-что ты все-таки не знаешь. – Маркос как будто не услышал вопрос, продолжал о своем: – Перед его исчезновением был убит подросток. Поначалу я никак не связывал эти два события. Но потом, когда я случайно увидел в газете фото убитого ребенка, я... мне показалось, что я уже видел нечто подобное. И я вспомнил Зину, вернее, тот момент, когда ее нашли. Помнишь? Пришли оперативники. И нам показали эти фотографии... Это было так давно. В Москве.

– Да, в апреле девяностого года.

– В апреле, семнадцатого числа, – повторил Маркос. – А спустя двадцать пять лет исчез Хаймес. Мы искали его и не нашли.

– Я не вижу связи.

– Подожди, не перебивай. Я открыл газету и... вспомнил о Зине. И подумал... Ты прости меня, что я так подумал, но я решил, что это он – Хаймес – убил мальчика и Зину.

– Это невозможно, Маркос.

– Да, это невозможно, – как эхо, повторил он. – Я говорю, что *я так подумал*... К тому же Хаймес исчез. Я решил, что он прячется.

– Маркос, ты что же... – Александр перебил друга, – и во время наших поисков считал, что Хаймес убийца?

– Нет-нет. Газета попала мне на глаза уже после того. Ты к тому времени улетел. Я никому ничего не сказал. А сейчас Камила, дочь Ивана... – Маркосу было трудно говорить. Он подбирал слова, переходя с русского на испанский. – И она убита точно так же, как Зина.

Александр пытался осмыслить услышанное.

– И что это значит? – спросил он глухо.

– Это может означать, что все три убийства... – он подыскивал слова, – понимаешь, Зиночку, Камилу... и этого подростка мог убить один и тот же человек.

– И ты решил, что это Хаймес? Что он по каким-то причинам убивает детей, а потом прячется? Я в это не верю.

– Нет, – тихо ответил Маркос, затем с трудом выговорил: – Это не он. Тело Хаймеса нашли.

– Боже мой... А я надеялся. Если честно, думал, что его затащили в Колумбию. А там... Там могли использовать его врачебный талант и держать в заложниках. Но что же с ним случилось?

– Никто не знает. Полиция не говорит. Нашли останки, сделали ДНК-экспертизу, определили, что это он. Скорее всего, сорвался со скалы. Или ему помогли сорваться... Но произошло это давно. Еще два года назад. Так что он никак не мог убить Камилу. И я просил прощения у Бога за то, что усомнился в Хаймесе и в течение долгого времени считал его убийцей.

– Значит, Хаймеса нет в живых... Не кори себя за мысли, друг мой.

– Да. Его нет в живых. Но мы-то живы. Понимаешь...

Маркос замолчал.

– Что я должен понять? Что тебя мучает?

– Саша... Если это не Хаймес, то кто? Кто убивает детей? Мы втроем учились в Москве: Хаймес, Иван и я. Кто-то из нас мог убить Зину. И здесь...

– Не понимаю, куда ты клонишь...

– Если все три убийства похожи, это ведь логично! Разве нет?

– Я не знаю...

– Слушай дальше. Я... я считал, что это Хаймес. Но он никак не мог убить девочку. На момент убийства он был уже мертв. Остались мы с Иваном. У Ивана убили дочь. Значит, *это я убийца?*

– Маркос! Что ты говоришь?!

– Саша, помоги мне разобраться, прошу тебя. Может, у меня что-то с головой, может, я не помню, как совершаю эти преступления?

– Стоп. Прекрати. Ты не должен так думать. Если ты, действительно, видишь связь между этими убийствами, надо разобраться. Разве только вы втроем получали образование в Москве? Наверное, и другие перуанцы учились в нашем университете в то время. Может, на другом курсе.

– Может быть. Я не помню. У нас был специальный набор студентов из Перу.

– Нет-нет, это не очевидно. Надо посмотреть в учебных архивах. Я могу этим заняться и все выяснить. Более того, я обещаю тебе, что выясню! Кажется, Анна Петровна, наша любимая дама из отдела кадров, до сих пор там работает. Но и без нее прояснить этот вопрос – не проблема. – Александр старался убедить друга, отвлечь от чудовищных мыслей. – Мне кажется, Маркос, ты все усложняешь.

– Не уговаривай меня. Просто ответь: ты можешь помочь?

– Обещаю, что займусь архивами прямо завтра. Для твоего успокоения. Что еще я должен сделать?

– Во-первых, приехать. Ты нам нужен – мне и Ивану. И Ольге, его жене. А еще Марии – жене Хаймеса. Мы все очень любим тебя, Саша. Во-вторых... Я знаю, что это сложно.

– Говори.

– Можешь ли ты найти того следователя, который вел дело об убийстве Зины? Он был толковым и добросовестным. Надеюсь, он жив и здоров. Не знаю, работает ли он еще в органах...

– Я постараюсь найти следователя.

– Нужно ехать в Москву...

– Это не проблема, Маркос.

– Да, это не проблема, – повторил он.

– Как Иван?

– Он странный. Видимо, что-то с головой не в порядке. Такое впечатление, что он не осознает, что произошло. А вот Ольга совсем плоха. Сейчас в больнице. Если бы не старший сын, думаю, она бы наложила на себя руки.

– Не знаю, что и сказать.

– Да что тут скажешь... – Маркос чуть не плакал. – Ты сможешь приехать, Алехандро? Ты нам очень нужен, – снова повторил он.

– Я приеду, друг мой. Все выясню и приеду.

– А как с работой?

– Договорюсь.

На самом деле, на работе (в институте) он уже договорился, потому что собирался поехать со своей новой приятельницей в Таиланд. Оформил отпуск. А на фирме, где он разрабатывает лингвистическое программное обеспечение, у него свободный график.

После развода с женой личная жизнь как-то не складывалась. Катя – новая подружка – появилась недавно: три месяца назад. Обе его дочери – Людочка и Машуня – уже взрослые (они так считали, что двадцать и двадцать два – это солидный возраст!) и вполне снисходительно относились к подружкам отца. Предыдущие им не нравились («Ох у тебя и вкус, папа!»), и он, в конце концов, каждый раз с ними соглашался. А вот Катю-Котенка они, кажись, приняли. Да и он на нее запал.

Поездку в Таиланд придется отложить. Что ж, вместо Азии он полетит в Латинскую Америку. Катя, конечно, будет недовольна. Но насколько? Если она поймет, что помочь друзьям в столь трудный момент – это важнее, чем нежиться на солнце, значит, Катя – *его* женщина. Ну, а если не поймет – тоже хорошо. Вернее, плохо. Но уж лучше разобраться с отношениями сразу, чем разочароваться потом, когда появятся обязательства.

– Маркос, завтра же утром я поеду в Москву и постараюсь найти следователя. Также выясню все необходимое в университете. Знаешь, как он сейчас разросся!

– Знаю. Мы же были пять лет назад на встрече выпускников. Наша любимая альма-матер! Я очень скучаю по студенческим годам. Если увидишь кого из профессоров (дай им Бог здоровья!), передавай привет.

– Непременно, Маркос.

– А когда тебя ждать?

– Думаю, к концу недели.

– Поедешь через Испанию?

– Наверное. Самый удобный вариант. Сразу до Куско возьму билет. Москва – Мадрид – Лима – Куско. Если получится, из Мадрида сразу полечу в Куско. Посмотрим.

– Алехандро, это дорого, я понимаю...

– Друг мой, о чем ты говоришь? К тому же я недавно получил солидный гонорар за статью в немецком журнале. Немцы хорошо платят!

– Я тоже получил гонорар. За новую книгу.

– Роман про инков? Ты рассказывал...

– Нет, – он улыбнулся, – это не про инков. А ты ничего не забываешь, Саша. Нет, мой роман о другом. Я подарю тебе экземпляр. А про инков я пока только обдумываю...

– Хочешь, буду переводить на русский твой новый роман?

– Правда? – он чуть не расплакался от такого предложения. – Спасибо, Саша. Очень хочу. Если только это не я... ну, не я убивал.

– Прекрати, пожалуйста. Я не желаю об этом слышать. Мы все выясним, Маркос.

– Muchas gracias. No sé lo que haría sin ti, Alexandro⁴. Сегодня я смогу заснуть, наконец. Я думал, что сойду с ума...

– Ты мой друг, Маркос. А друзья должны приходить на помощь. Однажды ты мне тоже очень помог. Я помню.

– Это совсем разные вещи.

– И все-таки.

– Саша, я жду твоего звонка. В любое время. Если нужна какая-то информация, звони.

– Все будет хорошо, друг мой. Обещаю.

Маркос отключился, а Александр еще долго сидел, задумавшись, с телефонной трубкой в руке.

Звонок из Перу растревожил его, и воспоминания, помещенные на нижнюю полку памяти за ненадобностью и, казалось, забытые, враз выплыли и разбередили душу. Воспоминания были прекрасны и беспечны, как сама молодость. Но существовал один день, который никак не вписывался в студенческую беззаботную жизнь. В тот день Зину Кусаинову нашли мертвой. Страшный день оставил рубец на сердце; рана зажила, но шрам сохранился навсегда.

Квота имени Лумумбы. Москва. 1990 год

– Кузнецов! Иди сюда. Ты мне обещал, что будешь помогать перуанским идалго в освоении русского языка. Обещал?

– Марь Михална... – начал было Кузнецов.

– Что, Марь Михална? – передразнила она студента. – Саша, я тебя прошу, обрати внимание на грамматику. Хаймес делает примитивные ошибки в падежах. У Маркоса проблема со спряжением глаголов!

– А Иван?

– Последняя работа у него блестящая.

– Ну вот, видите...

– Думаю, твоей заслуги здесь нет. Иван – талантливый парень и трудяга.

– А остальные, получается, не талантливые? – Александр заступился за друзей.

– Да все они хорошие ребята, – более миролюбиво заявила Марь Михална. – Вопрос, скорее, не к ним, а к тебе: ты мне еще в январе обещал, что поможешь им с грамматикой. Апрель на дворе. Скоро летняя сессия. С такими пробелами им будет трудно учиться на третьем курсе. И мне кажется, что ты забыл о своих обещаниях.

Кузнецов молчал. В данной ситуации лучше не спорить и спокойно выслушать Марию Михаэловну Беккер. И не только потому, что она – одна из самых уважаемых и любимых профессоров в университете, но и потому, что она права. Несколько поколений советских и иностранных студентов воспитала профессор Беккер, русская немка, строгая и справедливая, добрая и отзывчивая, любящая студентов. Она прививала им любовь к языку и литературе, приучала к правильной речи. И те относились к ней с почтением, по-простому звали Марь Михалной. Иностранцы, которые прошли курс обучения у Беккер, прекрасно владели русским языком и, закончив университет, уезжали в свои страны влюбленными в Россию, ее культуру, язык, Пушкина и Достоевского, Гоголя и Чехова. А позже давали своим детям русские имена.

Да, Марь Михална была права. В общежитии студенты чем только не занимались... Но, уж точно, не правилами русской орфографии и пунктуации.

– Я понимаю, дело молодое... И погулять хочется. Весна на дворе. Девушки красивые.

– Так и я о том.

⁴ 1 Большое спасибо. Не знаю, что бы я без тебя делал, Алехандро (исп.).

– Кузнецов, через две недели проведу диктант с твоими идадьго. Так что, будь добр, позанимайся с ребятами. Я слышала, вся Латинская Америка к тебе на консультации бегают.

– Так уж и вся. – Кузнецов заулыбался, похвала была ему приятна. – Мне что же, со всеми заниматься?

– Хотя бы с идадьго из спектакля. С друзьями твоими. Я им всем, между прочим, на экзамене за тот спектакль по баллу-то добавила, – Марь Михална улыбулась. – Со сцены они прекрасно говорили по-русски. Значит, можете, если захотите.

– Ага... Учить спряжение глаголов и играть Лопе де Вега – совсем разные вещи. Там шпаги, песни, танцы.

Александр, шутливо отвесив испанский поклон, продолжил:

– Уж простите, что без шпаги, шляпы и пелерины, однако позвольте, Марь Михална, склониться пред вами в почтительном реверансе.

Она рассмеялась.

– Эх, Кузнецов. Раскланиваться ты мастер. А я ведь с тобой серьезный вопрос обсуждаю. Обещай, что поработаешь с парнями.

– Обещаю.

– И не разочаровывай меня, Саша. Обещания надо выполнять.

Да, новогодний праздник, на котором «великолепная пятерка»: Саша Кузнецов, трое его однокурсников-перуанцев и красавица-студентка Зиночка показали сцену из комедии Лопе де Вега «Учитель танцев», сделал их знаменитыми! Четырех идадьго и прекрасную сеньориту запомнили не только студенты, но и преподаватели. И их слава была заслуженной!

На университетском капустнике они разыграли сцену, в которой были танцы, дуэль на шпагах и, конечно, диалоги. Причем, сделали они это на испанском и русском языках. Кузнецов руководил постановкой (пригодилась игра в самодеятельности!). Труднее всего пришлось Зиночке – любимице курса. Ей нужно было осваивать испанский текст, а выучить роль на иностранном языке за несколько дней не так-то просто. Но Александр (режиссер все-таки!) пошел на маленькую хитрость: сократил ее текст, но оставил все физическое действие.

Маркос играл Альдемаро – красавчика, умного и интеллигентного идадьго из обедневшей дворянской семьи, без памяти влюбленного в дочь богатого и знатного горожанина из Туделы Флорелу, которую, конечно же, играла Зина.

По сюжету пьесы идадьго Альдемаро, чтобы быть поближе к любимой, нанялся в дом к Альбериго, отцу Флорелы, учителем танцев.

Как и во всех комедиях плаща и шпаги, основной конфликт пьесы – между любовью и честью. В таких пьесах обязателен, как минимум, еще один воздыхатель. У Лопе де Вега им был Вандалино – богатый молодой человек, который также был влюблен во Флореллу. Его играл Иван.

В пьесе много неожиданных сюжетных поворотов и смешных перипетий. Александр решил выбрать одну из самых зрелищных сцен, в которой «положительный герой» Альбериго подстерегает ночью Вандалино и вместе с двумя слугами решает проучить его. Роль слуги Белардо исполнял Хаймес, а сам Кузнецов играл второго слугу.

Все прекрасно справились с ролями. Комедию плаща и шпаги приняли на ура! Гром аплодисментов и слава, которая пришла после такого успешного выступления, стали наградой для студентов.

Вот об этом спектакле и говорила Марь Михална. Она, оказывается, тоже была в зале и запомнила игру перуанцев. И, как выяснилось, за их искромётные роли даже добавила им на экзамене по баллу.

Во время репетиций «режиссер» Кузнецов отрабатывал с однокурсниками тексты, дрессировал и муштровал. Корректировал произношение! И они не обижались, с удовольствием

включались в работу и были счастливы выступать перед университетской публикой: студентами и преподавателями.

Александр по-настоящему сдружился с перуанцами. Еще и потому, что испанский язык для него – что русский.

Он родился в Аргентине в семье работников МИДа. Отец, профессиональный дипломат, в то время работал в советском посольстве в Аргентинской Республике. Мама должна была рожать в Москве, но сын Александр решил появиться на свет раньше запланированного срока.

Чуть позже, когда были восстановлены дипломатические отношения с Эквадором, отца перевели в Эквадорское посольство, а еще через год – в Перу.

Так что для Кузнецова испанский, можно сказать, родной язык. От рождения за ним приглядывали местные няни. Первым словом Сашеньки (по рассказам мамы) было нежное «нанни», что значит, няня. Испанские слова «нинера, нана, кэнгюро» врезались в память как «мамá, папá» (с ударением на последнем слоге) и «падрес»⁵.

Уже в конце семидесятых, когда Саше было одиннадцать лет, семья переехала в Бразилию. Конечно, он стал учить португальский. Так что к моменту поступления в московский Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы он свободно владел испанским и португальским языками, вполне сносно говорил на английском.

Латинскую Америку Александр полюбил навсегда! История, культура, традиции латиноамериканских стран увлекали его необычайно. Он был уверен, что обязательно вернется (и не один раз!) в эти удивительные страны, когда закончит учебу.

Отец надеялся, что сын пойдет по его стопам. Но Кузнецов-младший выбрал другой путь. Он с уважением относился к работе родителей (мама занимала более скромную должность при консульствах), но карьера дипломата, к большому сожалению отца, Александра не привлекала.

А вот историю российской и советской дипломатии он изучал с большим интересом. Благодаря отцу он много читал о развитии дипломатических отношений Российской Империи, а затем и Советского Союза со странами Латинской Америки.

История российско-латиноамериканских отношений насчитывает более двухсот лет, с момента, когда Россия в лице Екатерины Второй, Григория Потемкина и других российских вельмож гостеприимно принимала руководителя борьбы народов Латинской Америки за независимость Франсиско де Миранду, искавшего в Европе помощи для развертывания освободительного движения против испанского господства. Россия, в отличие от целого ряда европейских государств, никогда не имела в Латинской Америке колониальных владений, хотя ей не раз их предлагали, например, при Анне Иоанновне – часть Бразилии.

Кстати, первое упоминание о Западном полушарии на русском языке относится примерно к тысяча пятьсот тридцатому году. В рукописи монаха Максима Грека «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» есть сообщение об открытии Америки: «...португальцы и испанцы... недавно, лет сорок или пятьдесят тому назад... открыли множество островов, из коих некоторые обитаемы людьми, а другие необитаемы; и землю Кубу. Ныне там открылся мир и новое собрание человеческое».

Первыми известными русскими людьми, посетившими Вест-Индию (таково историческое название островов Карибского моря) и страны Латинской Америки, были в семидесятых-восемидесятых годах восемнадцатого века российский путешественник, просветитель и литератор Федор Васильевич Каржавин и купец Василий Яковлевич Баранщиков, написавший впоследствии книгу о своих удивительных и, порой, неправдоподобных похождениях «Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина из Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе, с 1780 по 1787 год».

⁵ 1 *niñera*, nana, canguro – няня, бабушка-няня, няня-воспитатель; padres – родители (исп.).

Со второй половины девятнадцатого века между Россией и странами Латинской Америки начинают устанавливаться дипломатические отношения, выстраиваться торговые и культурные связи. Русское общество с симпатией следило за борьбой народов испанских колоний за независимость. Добровольцы из России сражались в войсках Боливара, участвовали в освободительной борьбе кубинского народа. А в восьмидесятые годы Александр Семенович Ионин – действительный тайный советник, русский дипломат и писатель, способствовал установлению дипломатических отношений с Аргентиной, Уругваем, Мексикой.

Межгосударственные, экономические, культурные связи между Советским Союзом и странами Латинской Америки, прерванные под нажимом США из-за «холодной войны», стали восстанавливаться в шестидесятых годах. Только за два года – в шестьдесят восьмом и шестьдесят девятом – были восстановлены дипломатические отношения с Колумбией, Эквадором, Боливией и Перу.

К Перуанской Республике у Дмитрия Сергеевича Кузнецова – отца Александра – да и у него самого, особое отношение. Саша был совсем маленьким, когда в стране случилось страшное землетрясение. Их семья тогда только-только перебралась в Перу, и родители вместе с другими сотрудниками советского посольства оказывали помощь перуанцам. Советский Союз прислал Перу вертолеты, сборные дома, медикаменты. В страну прибыл большой отряд советских медиков-добровольцев. За три месяца работы госпиталя и молодежного отряда было проведено более тридцати тысяч приемов, около тысячи госпитализаций, вакцинировано девяносто тысяч перуанцев.

К сожалению, в то время произошла трагедия: один из советских самолетов разбился над Атлантикой. В сообщении ТАСС лишь скупо сообщалось: «18 июля сего года около 14:45 по Гринвичу в районе Северной Атлантики была потеряна связь с советским самолетом АН-22 («Антей») бортовой номер 09303, вылетевшим с аэродрома Кефлавик (Исландия) в Перу. Ни на один из аэродромов трассы указанный самолет не прибыл. В результате проводимых поисков советскими самолетами и кораблями установлено, что АН-22 потерпел катастрофу. Находившиеся на нём члены экипажа и сотрудники госпиталя в количестве двадцати двух человек погибли».

В том самолете летел и друг отца...

В восемьдесят восьмом году, когда Александр Кузнецов поступил в Университет дружбы народов, Советский Союз поддерживал дипломатические отношения с семнадцатью странами региона – Антигуа и Барбудой, Аргентиной, Боливией, Бразилией, Венесуэлой, Гайаной, Колумбией, Коста-Рикой, Кубой, Мексикой, Никарагуа, Перу, Суринамом, Тринидадом и Тобаго, Уругваем, Эквадором и Ямайкой.

Со многими латиноамериканскими странами были подписаны соглашения о культурном и научном сотрудничестве. Но самое главное – СССР оказывал помощь Латинской Америке в подготовке национальных кадров. Треть студентов Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве – латиноамериканцы. Среди них не так много перуанцев, но Александру посчастливилось жить в общежитии именно с ними – Маркосом, Хаймесом и Иваном.

Отец и мама снова в отъезде. Конечно, их семья имеет квартиру в Москве, Александр вполне мог бы жить дома. Но отец рассудил, что оставлять молодого парня одного в большой московской квартире – это серьезное испытание.

«Нет! – отрезал Кузнецов-старший. – Слишком много соблазнов. Время сложное: перестройка, ускорение, гласность, реформы от главного застрельщика перестройки, чтоб он ими подавился, сволочь!» Вспомнив недобрым словом Генсека, отец тогда крепко выругался, что делал, надо сказать, крайне редко. Развивать тему он не стал, натолкнувшись на красноречивый взгляд мамы.

Родители пытались было упросить бабушек переехать на время учебы Саши в Москву. Но те отказались: одна живет в провинции, и ее не привлекает столичная жизнь, а вторая бабушка живет в любимом Ленинграде и тоже не жаждет переселяться в столицу.

И хорошо, что так получилось! Александр был очень рад, что бабули отказались переезжать. Иначе бы он не перебрался в общежитие и не сдружился с перуанцами и Зиной, однокурсницей, комната которой находилась на третьем этаже прямо над ними. Естественно, познакомившись с такой удивительной девушкой, все четверо тут же в нее влюбились. Но так как о своей влюбленности никто из парней не распространялся, Зина стала для них просто подружкой и «классным парнем». Позже у каждого появлялись другие девчонки и другие влюбленности, а Иван даже успел жениться между первым и вторым курсами, но без Зины четверка не могла прожить и дня; она оставалась для них подругой, с которой можно поговорить обо всем: посекретничать на запретные темы и получить дельный совет насчет женского пола.

Студенческая жизнь ему нравилась! Разочарования от выбранной профессии не наступило (наоборот, ко второму курсу пришло стойкое убеждение, что историко-филологический факультет он выбрал правильно; добавилось лишь увлечение лингвистикой, которое переросло в профессиональный интерес), отношения с однокурсниками и преподавателями складывались удачно, общежитие было вполне комфортным. Казалось, что ему, молодому студенту, и в дальнейшем будут сопутствовать удача, успех, великие открытия и настоящая любовь.

У Кузнецова есть сестра, ей четырнадцать. Через три года Надя заканчивает школу, и к тому времени родители собираются подавать прошение об отставке, чтобы окончательно обосноваться в Москве. Отец поговаривает, что, возможно, отставка последует раньше запланированного срока: в стране творится что-то непонятное, и в МИДе никто не знает, чем закончится перестройка Горбачева.

А пока квартира пустовала, Кузнецов жил в общежитии в одной комнате с тремя перуанцами – замечательными ребятами. Такова была практика администрации университета: к иностранцам обязательно подсеяли советского студента. Эта практика себя оправдывала: между студентами возникала крепкая дружба, иностранцы лучше усваивали язык и традиции, а впоследствии, вернувшись на родину, сохраняли самые теплые чувства к стране, где учились.

Университет дружбы народов славился своими профессорами и доцентами, авторитетным подготовительным факультетом, где учили иностранцев русскому языку, а также тем, что его преподаватели обучали иностранных космонавтов в Звездном городке!

Так что, когда Александр Кузнецов, зачисленный на первый курс историко-филологического факультета, зашел в комнату «Номер 206» университетского общежития, расположенного по улице Миклухо-Маклая, Маркос, Хаймес и Иван уже ожидали советского студента, сидя на своих кроватях. Они отучились год на подготовительном отделении и вполне прилично говорили по-русски.

Хаймес выбрал медицинский факультет, Иван – инженерный, а Маркос, как и Алехандро (так – на испанский манер – стали называть перуанские друзья своего однокурсника и соседа по комнате), изучал историю и филологию.

Первого сентября тысяча девятьсот семьдесят восьмого года все четверо пришли на торжественную линейку, на которой им вручили студенческие билеты первого курса Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Началась студенческая жизнь.

Александр посмотрел на часы. Надо же! Прошел всего час с момента окончания разговора с Маркосом, а ему показалось, что прошло часа три, не меньше. Странное состояние овладело им: в полудреме он побрел на кухню, заварил кофе, позвонил родителям в Москву, сообщил, что завтра приедет. Отца не застал, тот совершал ежедневный утренний моцион –

пешую прогулку для укрепления здоровья; мама готовила завтрак и очень обрадовалась звонку сына. («Наконец-то, дорогой, увидимся. Надолго?» – «На два-три дня». – «Хорошо, сынок. Найдешь время поговорить, пообщаться?» – «Обязательно поговорим, мам». – «Отец скучает очень». – «До завтра, мам».)

Кофе и короткий разговор с мамой помогли собраться с мыслями, вывели из забытья. Надо поддержать Маркоса! Но как? Не так-то просто отыскать сведения двадцатисемилетней давности. Да, непросто. Но в голове выдающегося лингвиста Кузнецова Александра Дмитриевича уже выстраивался план действий.

Нужно вспомнить, кто вел дело Зины Кусаиновой: Управление внутренних дел по Юго-Западному округу (Зину нашли в недостроенном здании недалеко от общежития) или МУР? А может, Следственное управление при прокуратуре? Как звали следователя?

В Москве в его комнате есть тетрадь с записями (в родительской квартире сохранились «комнаты детей», в которых он, сестра Надя, а также трое внуков – дочери Александра и сын сестры Илья – всегда останавливаются по приезде в столицу: отец и мать всем детям очень рады!). Да, тетрадь осталась. В ней были вложены и повестки в милицию для дачи показаний. Повестки всегда подписывал следователь, ведущий дело. Как же на него выйти? А если его уже нет в живых? Мало ли... Завтра он поговорит с отцом, тот должен помочь, у него остались связи в милицейских органах. Неважно, что большинство старых друзей уже «бывшие работники», на пенсии. Говорят, бывших ментов не бывает!

Воспоминания снова одолели, и он «вернулся» в девяностый год...

Альма-матер. Второй курс подходит к концу. Шестнадцатое апреля, понедельник.

Иван, Маркос и Александр заходят в аудиторию, где профессор Ковельский готовится читать курсовую лекцию по философии. Марксистско-ленинской.

– А где Хаймес? – спросил Маркос, усаживаясь на свободное место. – Эй, кто-нибудь знает, где Хаймес? – обратился он к студентам медицинского факультета.

– Он пошел искать Зину.

– Зину? – Маркос переглянулся с Александром. – А что, ее тоже нет?

– Ее не было на первых двух парах. Хаймес пошел в общежитие узнать, может, она заболела, – ответила девушка с медицинского факультета.

– Раньше она никогда занятия не пропускала, – добавила ее сокурсница.

– А где Тамара? Та, что с Зиной живет в комнате?

– Наверное, тоже ушла с Хаймесом.

– Тамара на первую пару приходила, – ответил кто-то.

Маркос и Александр переглянулись. Иван не вникал в разговор. Все его мысли вот уже несколько дней были не здесь, на лекциях, а дома – в Перу. Ольга – жена – должна была родить не сегодня-завтра. Однако в четверг, четыре дня назад, проректор по воспитательной работе вызвал Ивана и сообщил, что пришла телефонограмма: его жену в тяжелом состоянии (какая-то инфекция) забрали в больницу.

Иван собрался лететь домой; нужны были деньги на самолет. Друзья сбросились. Осталось купить билет и утрясти бюрократические формальности о переносе летней сессии.

Он переживал, пропускал занятия. В субботу вечером, после очередного звонка домой, расплакался. Ни с кем не общался, на парах сидел задумчивый, отрешенный.

Друзья старались как-то поддержать его, лишний раз не тревожили. Вчера подошла их очередь убирать кухню и душевые; они решили отдежурить втроем – без Ивана.

А сегодня выясняется, что пропала Зина! Парни разволновались. Где же она? Они дожидались ее вчера днем; Зина обещала составить им компанию и заменить Ивана, но так и не

пришла помочь с уборкой. Втроем, без Зины и Ивана, драили они кухню и душевые кабинки, шутили, придумывали всякие смешные истории, пытаясь отгадать, почему она не явилась. Ведь Зиночка всегда (всегда!) выполняла свои обещания.

– Странно. Где она может быть? – беспокоился Александр.

– Может, заболела? Хаймес пошел за ней в общежитие. Так я думаю... – неуверенно предположил Маркос. – А ты подружек ее хорошо знаешь? Тех, что с ней в комнате живут?

– Тамару знаю. Она, говорят, ушла с Хаймесом. Но зачем? Если Зина заболела...

– Да... Непонятно. А где вторая девушка, африканка? Ее здесь нет?

– Она с третьего курса.

– Что будем делать?

– Дождемся Хаймеса. Или у тебя есть другие предложения?

Профессор сделал им замечание. Переговариваться они перестали, но погрузиться в философские размышления, о которых вещал с кафедры лектор, никак не получалось.

Как только прозвенел звонок, Александр и Маркос бросились в общежитие.

– Что случилось? – спросил запыхавшийся от бега Кузнецов.

Хаймес и Тамара беседовали с двумя милиционерами: младшим лейтенантом и сержантом. Рядом нервно теребила папку с документами комендант Софья Ильинична.

– Саша, Маркос, – Хаймес чуть не плакал, – Зина не ночевала в общежитии и до сих пор не вернулась.

– Мы вызвали милицию, – добавила Тамара.

– Так, может, она вчера ушла на свидание? Ну... дело молодое, осталась у молодого человека ночевать? – предположил сержант.

– Зина? – спросили все четверо удивленно.

Милиционеры переглянулись: столь эмоциональный одновременный возглас вызвал их замешательство.

– А что, такого не может быть?

– Не может... – покачал головой Маркос.

Остальные лишь вздохнули.

– А домой звонили?

– Так ее родители в Казахстане живут.

– И что? Может, она домой поехала?

Какие-то странные вопросы задают эти менты! Как могла Зиночка поехать домой, не сообщив друзьям о своих планах?!

– Надо позвонить родителям, – сказал младший лейтенант, – пойдем в отдел кадров, возьмем данные.

– У меня есть номер телефона ее родителей, но...

– Что, «но»?

– Она вряд ли у них, не на самолете же она улетела! Вчера днем она была здесь. А родители будут волноваться. Давайте немного подождем.

– Чего подождем? Девушка, – обратился к Тамаре сержант, – в первую очередь необходимо опросить родителей и друзей. Потом...

– Мне кажется, в первую очередь нужно заняться поисками пропавшей девушки. Может, она в беде? – перебил его Саша.

– Вот если в течение трех дней ваша подружка не вернется, мы начнем поиски. Сейчас мы даже заявление у вас принять не можем, – сообщил как-то буднично младший лейтенант.

– Как это? – удивился Маркос.

– А вот так.

– Мы правильно вас поняли? – Александр нахмурился. – Вы не примите от нас заявление на розыск Зины?

- Э... Мы примем, конечно. Но не от вас, а от ее родителей.
- Так. Я звоню дяде, – он был настроен решительно.
- А кто твой дядя? – тихо спросил Хаймес по-испански.
- Да нет у меня никакого дяди, вернее, дядя есть, но он никак не связан с милицией, – так же тихо ответил Александр тоже по-испански, – это я так... пытаюсь произвести на них впечатление.
- О чем это вы переговариваетесь? Давайте-ка продолжим разговор по-русски, – недовольно заметил младший лейтенант.
- И кто у нас дядя? – ухмыльнулся сержант.
- Он работает в милиции, а отец у меня дипломат. Но я бы не хотел злоупотреблять моими знакомствами. Неужели так трудно понять, что мы волнуемся! Наша подруга пропала! Она не ночевала дома и не пришла на лекции. Мы переживаем.
- И вас это волнует?
- Конечно.
- Вы не допускаете мысли, что она может... э-э... загулять с парнем?
- Зина – отличница, лучшая ученица на курсе, серьезная девушка. У нее не было парня. И друзей вне университета не было. Иначе бы она нам рассказала.
- Да, не было, – вмешалась Тамара, – я могу подтвердить. Мы живем с ней в одной комнате. Она всегда ночевала в общежитии.
- Милиционеры снова переглянулись. Кажется, они начали понимать, что дело серьезное.
- Ладно. Идемте в отделение. Вы напишете заявление, и мы начнем собирать информацию.
- Надо начинать поиски, а не собирать информацию.
- Давайте не будем спорить, – младший лейтенант недовольно взглянул на Александра. – И пока мы здесь, осмотрим комнату, где живет Зинаида. Девушка, – обратился он к Тамаре, – облегчите нам задачу, пожалуйста. Вы знаете, где лежат документы пропавшей подруги?
- Конечно.
- И найдите телефон ее родителей.
- В отделении они пробыли три часа. Оформили заявление, звонили родителям Зины (как и предполагалось, девушки в Казахстане не было, последний раз Кусаиновы разговаривали с дочерью неделю назад: Зина звонила им с почтового отделения), рассказали все, что знали о своей однокурснице, оставили ее фотографии.
- Когда последний раз вы видели Зину? – спросил молоденький лейтенант. – Давайте по порядку. Вы... – обратился он к Тамаре.
- Я вышла из общежития в двенадцать. Зина была еще в комнате. Но, мне кажется, она собиралась куда-то пойти.
- Почему вы так думаете?
- Не знаю. Может, она сказала что-то... Я не помню.
- Это важно. Вспоминайте. Она была одета?
- Да.
- Как одета? Для выхода на улицу?
- Нет. Но...
- Так. Тамара Вячеславовна, – обратился к ней лейтенант по имени отчеству, – вы заявили, что Зина Кусаинова собиралась куда-то пойти. Заявили?
- Да.
- Я хотел бы уточнить: почему вам так показалось? Попытайтесь вспомнить. Представьте вчерашнее утро...
- Да-да. Вспомнила! – Тамара волновалась. – Я поняла, почему так подумала. Ее куртка лежала на кровати.

– А обычно она не лежит на кровати?

– Нет, конечно. У Зины все строго. Она любит, чтобы все было на местах.

– Вы с ней общались?

– Только самые обычные фразы.

– А где вы сами находились? В котором часу вернулись?

– Я была у родственников. Они пригласили меня на обед. Вернулась около пяти часов.

– И больше никуда не выходили?

– Нет. Я занималась до поздней ночи. У нас сегодня на первой паре был семинар, я к нему готовилась.

– Хорошо. Теперь вы, – лейтенант посмотрел на Александра. – Вы в котором часу видели Зину в последний раз?

– Очень странно, что она собиралась куда-то идти, – начал он.

– Почему странно?

– Мы договорились, что она поможет нам с уборкой.

– С какой уборкой? Рассказывайте живее. Не тяните! – участковый был явно недоволен.

– Наша комната вчера дежурила. У нас восемь комнат на этаже, и раз в два месяца, по воскресеньям, нам приходится убирать. Ну, кухню помыть и душевые. Вчера была наша очередь.

– Ага... А вы, значит, привлекаете девушек? – лейтенант улыбнулся.

– Обычно мы сами справляемся. Нас четверо. Но у нашего друга проблемы. Его беременная жена попала в больницу, и он сильно переживает. Мы решили его не беспокоить, ему не до уборки. А Зина вызвалась помочь. Она сама сказала: «Не трогайте Ивана, я буду вместо него». Мы обрадовались. Договорились встретиться на кухне в два часа. Но она не пришла. Мы ждали минут десять. Хаймес пошел за ней...

– Да, я подходил к ее комнате, стучал. Но дверь была заперта. Я постучал и позвал ее, но никто не открыл. В комнате было тихо. Я подождал немного, но понял, что никого нет. Ну... и мы начали сами убирать.

– Еще шутили, что Зина загуляла, – добавил Александр.

– Вот! Видите!

– Что? – переспросил Хаймес, – что мы видим?

– Вы сказали, что она загуляла! А до этого говорили, что она ни с кем не встречалась.

Но вы же так предположили?!

– Да ничего мы не предполагали! Говорили просто так, шутя. Ни с кем она не встречалась.

– Если вы имеете в виду какого-либо парня, то у нее никого не было, – упрямо заявил Кузнецов.

– И почему ж вы так уверены? Разве не может быть, чтобы девушка с кем-то... э-э... дружила, а вам не сказала?

– Не может. Такого быть не может, – поддержал друга Маркос.

– Ладно. Дальше, – ухмыльнулся лейтенант. Видимо, он не воспринял всерьез заявление друзей.

– А что вас интересует?

– Повторяю свой вопрос: когда вы видели Зинаиду Кусаинову в последний раз?

– Вчера я с ней не пересекался. – Александр задумался, потер лоб. – В субботу вечером.

Не помню точно. Где-то в девять вечера. Мы встретились в коридоре, договорились, что она поможет с уборкой. Да, точно. Больше я ее не видел.

– А вы? – обратился милиционер к Хаймесу и Маркосу.

– Тоже в субботу. На кухне. Я был с Алехандро.

– Алехандро – это кто?

– Это я.

- Понятно...
- А я видел Зину в воскресенье, – сообщил Маркос.
- В котором часу?
- Около часа. Из окна. Она проходила мимо.
- Куда и зачем она шла? И почему вы смотрели в окно в это время? Вдруг взяли и посмотрели?
- Нет, не вдруг. Я сначала услышал ее смех.
- Так. Поподробнее.
- Она с кем-то разговаривала и смеялась. Я выглянул. Она разговаривала с двумя парнями из нашего курса. С инженерного факультета. Но они не живут в общежитии, москвичи, наверное. В гости пришли к кому-то.
- А дальше?
- Потом они разошлись. Парни зашли в общежитие, а Зина ушла в другую сторону.
- В какую?
- В сторону университета.
- Зачем ей идти в университет? Вчера было воскресенье.
- Я сказал, в сторону университета. До него еще идти надо. Там сквер и стройка, ее нужно обойти. И недалеко есть остановка автобуса. Возможно, она к метро шла. Но я знал, что она должна вернуться к двум часам... Мы же договорились.
- То есть шла она в сторону метро Юго-Западная?
- Нет. Беяево. Там стройка по пути. И обходить нужно.
- Хорошо. Спасибо. Значит, последний раз Зину видели в час дня. С ней было все в порядке, и она весело смеялась. Так?
- Получается, так, – ответил за всех Александр.
- Пока все. Ваше заявление зарегистрировано. Мы сейчас сообщим о пропавшей девушке по нашим внутренним каналам связи и начнем розыскные мероприятия. Надеюсь, вы понимаете, что должны сразу же сообщить в милицию, если Зинаида вернется.
- Да, конечно, мы вам сообщим.
- А вы думаете, она найдется? – с надеждой спросил Хаймес.
- Да куда она денется?
- А как часто люди... э-э... находятся в таких случаях?
- Часто. Будем надеяться. Вы можете идти.
- Товарищ милиционер, – у самой двери Хаймес остановился и обратился к лейтенанту.
- Что еще, товарищ... м-м... Хаймес Родригес де Сан-Хосе? Я правильно назвал имя и фамилию?
- Да, правильно.
- Так что вы хотели сказать?
- Может, стоит на стройке посмотреть? Знаете, там такие ямы... Может, она упала. Зина часто проходила через стройку. Мы все так делали. Так ближе и к метро, и к магазину, и на почту. Обходили лишь тогда, когда дождь и слякоть. Вчера было сухо, сегодня тоже. Она могла пройти около забора, – Хаймес был убедителен. – И если рабочие не закрыли ворота (а они редко закрывают их днем), то Зина могла пролезть сквозь доски и пройти к метро напрямик. Мало ли, может, она упала. Может, ей помощь нужна. А мы тут сидим.
- Хорошо. Спасибо за совет. Сейчас отправим кого-нибудь на стройку. Хотя сегодня ведь понедельник. Там работают строители. Если бы случилось что-нибудь, нам бы уже сообщили.
- Может, мы сами? – Хаймес настаивал, – ну... сами ходим и поговорим с рабочими...
- Мы все проверим! – лейтенант покачал головой, – идите в общежитие. – Он занялся бумагами, показывая, что разговор окончен. Но видя, что студенты не уходят, топчутся возле двери, добавил: – Я вам обещаю.

– Спасибо, – поблагодарил Александр.

Когда они вышли из отделения, Маркос шепнул, обращаясь к Хаймесу:

– Кхавасун, Маркос⁶...

Когда перуанцы сильно волнуются, они начинают общаться на своем родном языке. Кечуа – интересный язык, непростой. Кое-что Кузнецов понимал. Иногда догадывался... Вот и сейчас предположил, что они хотят зайти на стройку.

– Тамар, – обратился он к девушке, – ты иди в общагу, а мы на стройку забежим.

Перуанцы благодарно кивнули.

Но на стройплощадку их не пустили. Там всюду шли работы. Строители, увидев молодых людей, вызвали начальника. Тот сначала ругался, потом, выслушав Александра, сообщил, что за последние два дня никаких ЧП на стройке не происходило и в ямы никто не падал.

Маркос и Александр успокоились, но Хаймес еще сильнее разволновался.

– Хаймес, давай не думать о плохом. Может, действительно, у Зины появился парень и она... ну... с ним?

– Может, и так... – он как-то грустно усмехнулся и произнес на кечуа: – Тура nanchis кама⁷. (Для русского уха фразы на кечуа звучат непривычно и глухо: «Тура нантшис кхама».)

– Переведи. – Александр посмотрел на друга. – Моя перуанская няня учила меня некоторым словам, но я уже многое подзабыл.

Хаймес молчал, смотрел куда-то в одну точку, потом покачал головой. Вместо него ответил Маркос:

– Он сказал, что до тех пор, пока он не увидит снова Зину... Понимаешь, пока он не встретится с ней вновь... – Маркос не договорил.

– Ее больше нет, – пробормотал Хаймес и заплакал.

– Хаймес, пожалуйста, не надо, – Александр почувствовал, что еле сдерживает слезы. – Давай подождем. Она вернется.

– Вчера, когда я стучал в дверь ее комнаты, мне стало так... Me sentí mal... Llamé a la puerta ... pero nadie la abrió⁸. И я почувствовал... нехорошее что-то. Но потом мы шутили, и это ощущение ушло. А сегодня утром Тамара сказала, что Зина не пришла домой ночевать. Я не знаю, что с ней случилось, но ее больше нет... Я чув-ству-ю... – и он разрыдался.

Друзья, не сговариваясь, завернули в сквер, который находился недалеко от общежития, присели на скамейку и просидели долго, не проронив ни слова. Поднялись, когда прохладный апрельский ветер нагнал тучи и закапал дождь.

А потом произошли сразу два события.

Поздно вечером в комнату прибежал возбужденный Иван и сообщил, что у него родился сын. Ольга и мальчик чувствуют себя хорошо. Иван долго ждал звонка в дежурном почтовом отделении и, наконец, его родители вышли на связь и сообщили радостную весть: в двенадцать дня (восемь вечера по московскому времени) родился здоровый ребенок; матери и малышу больше ничего не угрожает.

Друзья, конечно, обрадовались такой новости, поздравляли новоиспеченного отца. Они решили не сообщать Ивану о пропаже Зины. Во всяком случае, не сегодня. Последние три дня он был не в себе, думал лишь о своей беременной жене.

Второе событие было совсем безрадостным. Во вторник в одиннадцать утра в университет пришли три представителя прокуратуры.

⁶ 1 Qhawásun – Давай посмотрим (кечуа).

⁷ 2 Тура nanchis кама – до тех пор, пока мы не встретимся снова (кечуа).

⁸ 3 Мне стало плохо... Я стучал в дверь, но никто не открывал (исп.).

Зиночку... то есть труп Зиночки нашли рабочие в недостроенном жилом доме на втором этаже в одной из «квартир». Нашли рано утром во вторник. Как она туда попала? Кто и почему ее убил?

И началось следствие. Всех четырех вызывали к следователю. Не раз. Допрашивали тщательно, докапывались до мелочей.

Оказалось, последним видел Зину не Маркос, а Иван. Он сказал, что встретил ее в районном отделении почтамта. Иван находился там с двенадцати дня, ожидал звонка из Перу. В отделении его уже приметили, понимали, что у парня проблемы, сочувствовали; телефонистки старались по возможности быстрее соединить с домом.

– Что там делала Зина? – спросили Ивана.

– Не знаю. Кажется, отправляла открытку. Я видел в ее руке открытку с цветами.

– Но для того, чтобы отправить открытку, совсем не обязательно идти на почтамт, достаточно лишь бросить ее в почтовый ящик.

Проверили. Да, это правда, Зина была на почте, она отправляла телеграмму. И время совпало. Иван действительно видел в ее руках открытку. Без четверти два Зина отправила телеграмму кузине – поздравляла с днем рождения.

Криминалисты установили предположительное время смерти девушки: с двух до трех в воскресенье. Значит, ее убили, когда она возвращалась в общежитие. Но кто? Зачем? Может, это маньяк? Однако странный маньяк! Экспертиза установила, что никакого сексуального насилия над девушкой совершено не было. Ее лишь сильно ударили несколько раз по голове. Один из ударов оказался смертельным. Да еще в крови была найдена смесь психоактивных веществ растительного происхождения!

У Зины! В крови! Наркотик!

Она никогда никаких наркотических веществ не употребляла (все четверо могли поклясться на Библии!), значит, этой гадостью ее мог напичкать преступник. Но каким образом? Заставил принять насильно? Однако следов сопротивления на теле девушки также не было обнаружено.

Необъяснимое убийство!

Из-за наркотика (оказалось, что в составе напитка, который Зина выпила перед смертью, находились компоненты различных растений и грибов психотропного действия, произрастающих в Южной Америке!), да еще из-за маленькой игрушечной лампы, которую девушка сжимала в кулаке (ее подарил Зине Маркос), все перуанцы попали под подозрение.

В милиции долго проверяли их алиби.

Трое – Александр, Хаймес и Маркос – занимались уборкой в общежитии. Но у следователя возникли сомнения в их алиби.

Маркос, например, убирал душевую в то время, когда Хаймес и Александр трудились на кухне. То есть некоторое время, по его словам, он был один. От общежития до строительной площадки можно пройти быстрым шагом за пять минут, и Маркосу вполне хватило бы времени пройти туда, убить и вернуться! Никто не заметил бы его отсутствия. Но оставались вопросы, на которые следствие не могло ответить: зачем ему убивать Зину? – раз; и как девушка попала на стройплощадку? – два. Маркос назначил ей встречу на стройке? Допустим, он пригласил ее на свидание втайне от друзей. Допустим. Но он бы пригласил ее в кинотеатр или парк. На стройку как он ее заманил? Времени у него на уговоры не было. Значит, заранее спланировал? Зачем?

И все-таки следователь считал такое развитие событий возможным. К счастью, чуть позже Маркос вспомнил, что в то время, когда он натирал кафель в душевой, туда заглядывал студент африканец. Хорошо, что тот студент нашелся и подтвердил слова Маркоса.

Хаймес тоже отлучался. Он дождался Зину возле ее комнаты. Стучал, волновался.

Почему волновался? – Потому что Зина всегда выполняла обещания.

Было ли у него время пойти на стройку, убить и вернуться? Следователь считал, что было. Милицию также насторожил тот факт, что именно Хаймес накануне завел разговор о стройке и предположил, что Зина могла находиться там. Но у него тоже не оказалось мотива для убийства девушки. Да и времени не так много было.

Далее Александр Кузнецов. Он ни одной минуты не находился в одиночестве. Даже когда Хаймес ушел за Зиной, на кухню все время кто-то заходил.

Иван. С его слов, он расстался с Зиной там же – на пороге почтамта. Вернее, он вышел вместе с ней. Они поговорили пять минут на ступеньках. Когда она ушла в сторону общежития, стрелки на часах почтамта показывали без пяти два. Он заглянул в киоск купить сникерс (в киоске факт покупки шоколадки подтвердили и парня запомнили, но время уточнить не смогли). Зина ушла, а Иван вернулся в здание почтамта ждать звонка. И он его дождался (к тому времени его жена еще не родила, он нервничал из-за отсутствия новостей). Работники почты заверили, что Иван еще долгое время находился в отделении. Правда, он выходил ненадолго (как долго он отсутствовал, никто из них не мог ответить однозначно). Телефонный разговор с Перу состоялся в двадцать минут четвертого. Теоретически он тоже мог выйти из отделения, убить Зину, вернуться и ждать звонка. Но снова вставал вопрос: «Зачем ему нужна смерть Зины?», на который не находилось ответа. К тому же мысли Ивана в эти дни были заняты женой и малышом, никак не желавшим появиться на свет. Иван ходил сам не свой, потерял покой.

Он сообщил также, что Зина вела себя как обычно; странного состояния, которое могло быть вызвано наркотическими веществами, он не заметил. Девушка, принимавшая у Зины телеграмму, также хорошо запомнила ее («Красивая очень, улыбчивая, восточной внешности») и никаких странностей в ее поведении не увидела. А должна была. Потому что такая смесь психоактивных веществ действует достаточно быстро. Значит, приняла Зина наркотик, уже выйдя из почтового отделения. Но каким образом? Кто опоил ее этой гадостью?

Итак, у троих перуанцев было частичное алиби. Лишь Кузнецова следователь полностью исключил из числа подозреваемых. Частичное алиби, как им объяснили, означало, что ситуация *не исключала предположения о совершении преступления любым из них*, поскольку сведения о том, что в момент убийства они не могли находиться на стройке, так как были в общежитии (Маркос и Хаймес) или на почте (Иван) недостаточно убедительны для следствия, то есть все трое *имели возможность находиться на месте преступления* во время его совершения.

Но мотив? Ни у кого из них не было мотива! Мотив преступления – это то, что движет преступником. Преступлений без мотива не бывает.

Да и вообще, все четверо дружили с Зиной. Дружили, общались, вместе участвовали в новогоднем капустнике. Ни у кого из них не было мотива убивать Зину Кусаинову. Не было, и все тут!

Но тогда кто? И почему милиция заиклилась именно на них – друзьях Александра? Наверняка могли быть и другие подозреваемые. В университете учились сотни студентов из Южной Америки. Раз уж экспертиза показала, что наркотик, который приняла Зина, родом из тех мест, и на основании этого следствие выстраивало свои версии о преступнике, почему не проверяли других студентов? Или проверяли? Скорее всего, да. Просто Кузнецову об этом не докладывали... Что, в общем, естественно.

Может, на пути Зины, к несчастью, попался маньяк? Сумасшедший? Как правило, преступления людей с маниакальным расстройством связаны с сексуальным насилием. Но на теле Зины не нашли никаких следов борьбы или надругательства. Непонятно!

Возможно также, что произошло убийство по неосторожности. Следствие выдвигало и такую версию. По неизвестной причине Зина зашла на стройку (например, услышала скулеж котенка или крик о помощи...), и какой-нибудь рабочий не заметил ее, случайно толкнул, она упала и ударилась головой. Такое могло произойти? Вероятно. Но! Откуда в ее крови взялись

психотропные вещества? Зачем относить ее на второй этаж и, главное, зачем укладывать тело в такую странную позу?

Да, это, пожалуй, был самый непонятный момент. Оперативники показали фотографии и отснятое видео. Зина... она лежала, свернувшись в комочек. Так лежат дети. Так лежит ребенок во чреве матери, поджав ручки и ножки. Что это может означать? Только то, что убийца имеет психические отклонения. Но среди знакомых Кузнецова таких нет. А уж Маркоса, Хаймеса или Ивана никак нельзя назвать психами или маньяками.

– Простите меня, – сказал в тот вечер Иван.

– За что? – не поняли друзья.

– За то, что я вчера радовался. Вчера у меня родился сын. А Зины больше нет. Вы не сказали мне, что Зина пропала, я понимаю... Вы не стали огорчать меня этим известием. Но все равно это нехорошо.

– Иван, у тебя радость. И это нормально, что ты был счастлив. Тем более, что все так сложно проходило. Теперь все хорошо: Ольга здорова, малыш тоже. Слава Богу... – ответил ему уставший Хаймес.

– Мы вчера радовались вместе с тобой. Это правильно. Вчера никто из нас не знал, что случилось с Зиной, – поддержал друга Маркос.

Еще Кузнецову запомнилось, что в эти дни – понедельник и вторник шестнадцатого и семнадцатого апреля тысяча девятьсот девяностого года, в самые тяжелые дни за годы учебы, все четверо между собой общались по-испански...

Busta y encontrás (ищи и найдешь). Москва. Наши дни

Сердце стучало от волнения, когда Александр зашел в главный корпус альма-матер. Поступал он в восемьдесят восьмом году в *советский* Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, а заканчивал уже *российский* Университет дружбы народов. Изменилось не только название, но и «наполнение». Уже в девяностые годы были открыты новые факультеты, учебные институты, появились новые здания, а четыре года назад РУДН вошел в пятерку лучших ВУЗов России в национальном рейтинге университетов.

Но для Александра и его друзей никакие рейтинги не важны. Они и так знали, что родной университет – самый лучший и любимый (и в советские годы, и позже); а преподаватели – истинные мастера своего дела, виртуозы педагогики, обладающие эрудицией, знаниями и опытом. Профи, одним словом.

Анна Петровна, с которой он созвонился накануне, встретила его как родного. «Постарела... Сколько же ей?.. Однако выглядит прекрасно, живая и улыбчивая», – подумал Александр и сказал ей, что она мало изменилась. Он не лукавил, потому что внутренне Анна Петровна осталась прежней: обаятельной и отзывчивой. Несмотря на годы, она продолжала работать, занимала скромную должность в архивном отделе, что устраивало Кузнецова как нельзя кстати.

– Рассказывай, что надо. Какая справка тебе нужна, Саша?

– Мне не справка. То есть справка... – Александр засмеялся, – но своеобразная. И не мне, а моим друзьям из Перу. Помните, были такие студенты: Маркос, Иван и Хаймес. Мы учились на одном курсе.

– Ой, нет, не помню. Много вас было... тысячи... Разве всех запомнишь? Тем более иностранцев, – она смущенно улыбнулась.

– Подскажите мне, где я могу найти сведения о студентах из Латинской Америки, которые учились у нас в девяностом году. И еще мне нужно узнать, когда они закончили учебу и выехали из страны.

– Ах, так тебя иностранцы интересуют?

– Да. Преимущественно перуанцы.

– Тогда это не здесь. Здесь преподавательский архив. Пойдем в другое место.

Александр обещал Маркосу раздобыть сведения обо всех перуанцах, обучавшихся в эти годы в университете. Маркос сказал, что в Перу совершено два убийства, похожих на московское (может, преступлений было больше, но его друг знал только о двух). И здесь, и там преступник одурманивал наркотиками свою жертву, убивал и укладывал тела по подобию эмбриона. Если между этими убийствами есть связь, то логично предположить, что преступник – гражданин Перу, который учился в начале девяностых в Университете дружбы народов. Это вполне здоровое предположение.

Александр не верил в виновность Маркоса: его друг не мог быть убийцей. Даже при условии, что совершал он свои преступления неосознанно, в состоянии амнезии или иного психического расстройства, – не мог! Однако для Маркоса это очень серьезный вопрос. И доказать его невиновность (или виновность?!) нужно, прежде всего, ради него самого.

Кроме трех друзей, в университете наверняка учились и другие студенты из Перу. Поэтому первое, что Кузнецову надо сделать, это очертить круг подозреваемых. А это невозможно выполнить без изучения архивов.

Полдня пришлось потратить на разыскивание таких студентов. Какие-то данные были уже оцифрованы, но папки с документами иностранцев, получивших образование в советский период, все еще хранились на пыльных стеллажах.

Как и предполагал Александр, в эти годы Хаймес, Маркос и Иван были не единственными студентами из Перу. Хотя их, действительно, было немного. Среди латиноамериканцев преобладали аргентинцы и бразильцы.

В девяностом году в университете учились: Диего Санчес на подготовительном факультете, Хасим Ридер на последнем курсе инженерного факультета, Хуан Антонио Гонсалес и Рензо Мавила на пятом курсе медицинского факультета, а также девушка Мария Тереза Мартинес. Она училась на втором курсе факультета экономики и права. Странно, но Александр не помнил ее. Хотя должен был, потому что она была его однокурсницей.

Все эти студенты выехали из России в период с девяносто третьего по девяносто шестой годы. Кроме Гонсалеса – тот уехал в девяносто втором. Ридер, хотя и учился на пятом курсе, после окончания университета поступил в аспирантуру, защитил диссертацию и покинул страну в начале двухтысячных.

Кроме этих перуанцев, Александра заинтересовал парень из Боливии. Альваро Ортуньо. Он вспомнил его. Тот учился на курс старше, на историко-филологическом факультете. Они встречались иногда в общежитии, раза три даже отмечали какие-то праздники в общей компании. Наверняка с ним были знакомы и друзья-перуанцы, и Зина. Альваро – представитель аймара – коренного населения Южной Америки. Кстати, президент Боливии Эво Моралес также индеец аймара. Маркос – настоящий кечуа, а в родословной Хаймеса, по его рассказам, встречались и кечуа, и европейцы, и китайцы; Иван – потомок кечуа, аймара и европейцев, его предки жили в окрестностях озера Титикака.

Боливиец запомнился своими рассказами об Эрнесто Че Геваре. Отец Альваро Ортуньо был известным революционером и лично знал Че Гевару. Знаменитый команданте – личность выдающаяся, и любая информация о нем в то время (да, пожалуй, и сейчас!) вызывала искренний интерес.

Листая досье боливийца, Александр вспомнил один из рассказов Ортуньо о путешествии Эрнесто Гевары с другом Альберто Гранадо в Перу, где их сопровождал отец Альваро (на тот момент отец его был переводчиком с кечуа и аймара). Это было в пятьдесят втором году; Эрнесто еще не стал знаменитым Че, о котором жители половины земного шара слагали легенды, а был лишь выпускником медицинского факультета, интересующимся историей и культурой латиноамериканских народов. Два аргентинца: – дипломированный медик Гевара и доктор

биохимии Гранадо тогда очень заинтересовались жизнью индейцев. В Куско они зачитывались книгами из местной библиотеки об империи инков, провели несколько дней на развалинах древнего города Мачу Пикчу.

Здесь, в древнем городе инков, Гранадо решил изменить свою жизнь: жениться на индианке из знатного инкского рода и остаться в Перу, провозгласить себя императором, а его – Эрнесто – назначить премьер-министром. И почему бы потом вместе не осуществить социальную революцию? На такое дружеское предложение Эрнесто ответил: «Революцию без стрельбы не делают!» Фраза эта стала крылатой.

Интересно и то, что боливец Ортуньо родом из Ла-Игера – небольшой деревеньки в департаменте Санта-Крус, которая стала известна революционерам всего мира. Именно здесь, в октябре шестьдесят седьмого года, Че Гевара был схвачен и затем убит армией Боливии, сотрудничавшей с ЦРУ. Здесь, в Ла-Игера, закончилась кампания по созданию континентальной революции в Южной Америке.

И почему вспомнилась Кузнецову эта история? Он не был поклонником команданте. Чем же зацепил его боливец Альваро Ортуньо? Может, тем, что они похожи – боливийцы и перуанцы: схожи этносы, язык, ментальность, традиции. Да еще, пожалуй, тем, что Ортуньо... он тогда казался ему способным на поступки. К тому же эта история связала боливийца Альваро, Че Гевару и... Перу.

Где он сейчас, сеньор Ортуньо? Не в Перу ли?

Александр отвлекался. Воспоминания вертелись в голове, мешали сосредоточиться. Однако же надо собраться с мыслями и выжать из архивных документов как можно больше информации.

Итак, в апреле девяностого года, кроме Хаймеса Родригеса, Маркоса Браво и Ивана Хименеса, в университете учились еще пятеро студентов-перуанцев и один боливец, которые, по мнению Александра, могли быть причастны к убийству Зины: Диего Санчес, Хасим Ридер, Хуан Антонио Гонсалес, Рензо Мавила, Мария Тереза Мартинес и Альваро Ортуньо.

Шесть человек. Девять – вместе с друзьями Александра. Мог ли кто-то из них убить Зину в Москве и продолжать убивать подростков в Перу? Это и следует выяснить в дальнейшем.

Сегодня же надо отправить Маркосу все данные о шести бывших студентах. У себя в стране ему будет проще найти информацию об этих людях: живы ли они, чем занимаются, что у них за семьи, есть ли дети и так далее. Хорошо бы собрать эти сведения к его приезду в Перу.

Пока Александр дышал архивной пылью, отец – Дмитрий Сергеевич – по просьбе сына искал выход на Семена Михайловича Дикого – следователя прокуратуры, в то время капитана юстиции, который вел дело об убийстве Зины. Старые друзья довольно быстро сообщили: Дикий жив-здоров, ушел на заслуженный отдых восемь лет назад в звании подполковника юстиции. Тогда следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации был преобразован в отдельную структуру, вышел из системы органов прокуратуры, и многие сотрудники ушли на пенсию. Жаль, потому что среди них было немало опытных и знающих офицеров. Дикого характеризовали именно так: грамотный, порядочный, опытный профессионал. Однако же возраст брал свое: Семену Михайловичу за шестьдесят.

Александр созвонился с ним и, сославшись на одного уважаемого человека (спасибо отцу!), договорился о встрече на завтрашнее утро.

А вечер он провел с родителями, чему те были несказанно рады.

И еще он позвонил Катерине.

– Привет, Котенок. А я в Москве.

– Привет, Саша. Наконец-то объявился. Я уже волноваться начала.

– Вот... звоню от родителей.

– Что-то случилось?

– Нет-нет. Просто я у них остановился. Как всегда. Катюша, мне нужно с тобой поговорить.

– Да... – она сказала «да» тихо и напряженно. – Слушаю... – и замолчала.

– Понимаешь, мы не сможем полететь в Таиланд.

– Что?

– Я говорю, не получится у нас погреться на солнышке... в этот раз.

– Ой, ты про Таиланд...

– Ну да.

– А я думала, что-то серьезное, – Катя вдруг развеселилась. – Ты меня напугал, Кузнецов.

Ты так это сказал... Ну, что тебе нужно со мной поговорить. Я уж подумала... – она замолчала.

– И что ты подумала?

– Неважно, – она смутилась.

– То есть ты не сильно расстроилась?

– О! Я ужасно расстроилась, – Катя продолжала веселиться, – Саш, Таиланд – это вовсе не главное. В другой раз полетим. Тебя на работе не отпускают?

– На работе отпускают. Другое. Помнишь, я тебе рассказывал о моих друзьях перуанцах?

– Помню. Студенческая дружба. И что?

– Мне нужно лететь в Перу, Катюша. У одного из них случилась беда. Поэтому я полечу в Латинскую Америку. К сожалению, не могу взять тебя с собой. Я не на отдых собрался.

– Понимаю.

– Ты точно не сердишься?

– Кузнецов, на тебя нельзя сердиться. Скажи только, когда вернешься?

– Не знаю. Может, через неделю. Или через две... Я буду тебе звонить. Обещаю. По ночам.

– Почему по ночам?

Александр рассмеялся:

– Разница во времени между Москвой и Куско восемь часов. Вот я высплюсь и в десять утра тебе позвоню. А у тебя ночь! Два часа ночи.

– А пораньше нельзя? – Катя восприняла его шутку серьезно.

– Да шучу я, Котенок. Конечно, я не буду тебя будить. Попробуем подстроиться как-то.

– Куско – это столица империи инков?

– Да. Столица Тауантинсуйу. Так кечуа – жители империи – называли свою страну.

– Я мало знаю об инках. Лишь общие сведения.

– Обязательно расскажу тебе о Тауантинсуйу, его жителях и правителях по приезде.

– Ловлю на слове, – она засмеялась. – А Мачу Пикчу недалеко от Куско, да?

– Относительно недалеко.

– Как интересно. И там спрятано золото инков?

– Почему там?

– А где же ему еще быть?

Теперь уже Кузнецов залился смехом. Отсмеявшись, сказал:

– Золото инков ищут в разных местах: в эквадорских горах Льянханатес, в перуанских экваториальных лесах, в городе-легенде Пайтити, в Чили, в Вилькабамбе – городе, куда бежал последний правитель империи Манко Инка Юпанки. Есть даже версия, что сокровища находятся в Европе, в Польше.

– Где-где?

– В Восточных Татрах, в польской области Спиш, на реке Дунаец до сих пор существуют развалины замка Нидзица, который был построен в начале четырнадцатого столетия. После национализации замка в сорок шестом году прошлого века под одной из лестниц нашли тайник с оловянным цилиндром, в котором были несколько индейских изделий из золота и кипу –

узелковое письмо древних инков. Все попытки его расшифровать так ни к чему и не привели, а позже кипу непонятным образом пропало.

Некоторые историки считают, что в подземельях замка может храниться большая часть сокровищ инков. Эти сокровища якобы перевез туда потомок Себастьяна Бежевичи, который отправился в Перу и женился на прямой наследнице Атауальпы – сына одиннадцатого верховного правителя Уайны Капака, брата последнего императора. К сожалению, принцесса умерла при родах, но успела родить дочь. Девочка Умина впоследствии вышла замуж за правнука последнего правителя инков Тупака Амару; они вместе с двором перебрались в Европу и поселились в том замке.

– Ух ты! Сколько всего интересного. А где еще может быть золото инков?

– Отчего это тебя заинтересовали их сокровища? – Александр веселился. Он был доволен. Во-первых, Катя не устраивала скандала из-за отмены поездки в Таиланд, и, во-вторых, ее, оказывается, интересуют история и легенды. А это хороший знак! – Хочешь принять участие в их поиске?

– Увы. Я плохой искатель сокровищ. – Она тоже смеялась. – Но, согласишься, это же очень интересно!

– Согласен. А ты слышала об Эльдорадо?

– Эльдорадо? А разве это название как-то связано с инками? Это же, скорее, философское понятие. Или не так?

– И так, и не так. По-испански «эль дорадо» означает «золотой». Да, в переносном смысле так называют место, где можно быстро обогатиться. Испанские конкистадоры считали, что страна, богатая золотом и драгоценными камнями, существует. Они искали ее на территории инкского государства.

– Не нашли?

– Частично несколько тонн золота испанцы получили в качестве выкупа за жизнь Инки Атауальпы. Когда солдаты Франциско Писсаро захватили его в заложники, Атауальпа взамен за свою свободу предложил заполнить целую комнату, от пола до потолка, золотом.

Он обещание выполнил, но испанцы не сдержали слово и казнили вождя. Перед смертью Инка оставил послание-кипу из тринадцати узелков. Никто не знает, что именно сообщил Атауальпа, но, согласно легенде, после его смерти жители Тауантинсуйу собрали все золото и спрятали его в горах, где основали город Эльдорадо. С тех пор целые экспедиции не раз отправлялись на поиски таинственного города, но по сей день легендарный Эльдорадо так и не был найден.

– Так, может, его и не существует вовсе?

– Думаю, что Эльдорадо не существует. Но вот место, куда инки спрятали золото, скорее всего, где-то есть.

В университете дружбы народов, где я учился, преподавал Юрий Александрович Зубрицкий – профессор, выдающийся ученый-индианист. К сожалению, он умер десять лет назад. Он первым из русских ученых овладел языком инков – кечуа, перевел на русский язык многие классические произведения кечуанской литературы. Очень много книг и статей он посвятил инкам и истории инкского государства. Так вот, Зубрицкий считал, что золото инков существует. Возможно, оно спрятано в легендарном городе Пайтити, который находился в перуанской сельве, то есть в джунглях, или на севере современной Боливии.

В книгах и статьях он изложил множество историй, которые подтверждали гипотезу о существовании Пайтити. Одну из таких историй поведал ему лично студент из Перу, который впоследствии состоял на дипломатической службе, работал в Москве. Отец студента целый год прожил среди индейцев перуанской сельвы – изучал их быт, нравы и обычаи. Как-то раз он заметил, что в одном небольшом племени, говорившем на кечуа, практикуется древнейший инкский ритуал посвящения. Обряд этот завершался тем, что юноше, прошедшему опреде-

ленные испытания, возлагали на голову золотой или серебряный обруч, посвящая его таким образом в мужчины. Интересным было то, что юноша, готовящийся стать мужчиной, уплывал на каноэ по одной небольшой реке, а возвращался (уже с обручем на голове!) – по другой. Стало быть, где-то в верховьях этих двух рек находился богатый источник драгоценных металлов, который мог быть сокрыт лишь в одном единственном месте – древнем инкском городе Пайтити.

Так посчитал отец того студента. И он сообщил Зубрицкому названия тех двух рек, у истоков которых, судя по всему, и стоял город несметных богатств и великих тайн. К сожалению, организованная ученым экспедиция в перуанскую сельву так и не состоялась из-за бюрократических перипетий...

Александр прервал рассказ. Кажется, он увлекся. Стоило ему начать разговор об истории Перу, инках или других цивилизациях Латинской Америки, он не мог остановиться.

– Тебе интересно? – спросил он Катю.

– Конечно, интересно. Продолжай, пожалуйста, Саша.

– Тогда слушай, – довольно произнес Кузнецов. – После смерти Атауальпы его брат Инка Манко Юпанки возглавил народное восстание. Он не смог победить конкистадоров в Куско и ушел в горы, где возродил государство инков, но в меньших масштабах, естественно. С ним отправились жена с детьми, младший брат, жрецы, старейшины племени и часть народа – все они не хотели жить под испанцами. Там Манко Юпанки основал город Вилькабамбу, создал императорский двор; в нем правили его потомки в течение сорока лет, до середины семидесятых годов шестнадцатого века. А на территории остальной империи шла нескончаемая гражданская война, подогреваемая испанцами.

Зубрицкий нашел в хрониках кечуа историю о том, как однажды к Манко Юпанки добрался посланец от испанцев с предложением заключить союз, посулив ему титулы и звания от испанского короля. Однако Манко отклонил предложение посланника, заявив, что ему, наследнику инкского престола, ничего не нужно от завоевателей. А потом верховный правитель инков сообщил, что если испанцы по доброй воле уберутся из Тауантинсуйу, то он, Инка Манко, заплатит испанской короне выкуп, в два раза превышающий те сокровища, которые когда-то принес ей в дар Атауальпа. «Если даже ты все горы в округе превратишь в золото и бросишь к ногам Его величества, он все едино не отзовет своих верноподданных из Перу, – ответил на это предложение испанский посланник и прибавил: – Кроме того, кто же тогда будет нести вам, язычникам, свет истинной веры и спасти ваши души? И где ты возьмешь столько золота? Ведь Атауальпа отдал нам все сокровища вашей империи без остатка».

Услышав его последние слова, Манко усмехнулся и обратился к своим приближенным на языке кечуа с просьбой принести два золотых кувшина и мешок кукурузных зерен. Кувшины Манко подарил посланцу. Кукурузу же приказал высыпать на пол. Взяв из образовавшейся кучи одно зернышко, он сказал: «Это то, что вам отдал Атауальпа, а вот, – Инка указал на кучу, – то, что мы спрятали».

– Красивая легенда, – восхищенно сказала Катя.

– Это не легенда. Ответ Манко испанцам упоминается в инкских хрониках. Из них же ученые узнали о Вилькабамбе – последнем убежище правителя Инкской империи Манко Инки Юпанки. Может, где-то в лесах Вилькабамбы и были спрятаны сокровища инков?

– А она на самом деле существует, эта Вилькабамба?

– Не так давно, в начале семидесятых годов прошлого века, ученые обнаружили загадочное место, где находились развалины домов на специальных платформах и плохо сохранившиеся дороги инков. Некоторые историки считают, что здесь и была знаменитая Вилькабамба. Рядом с развалинами есть современная деревушка Эспириту-Пампа. А в ней живут долгожители, возраст которых сто-сто тридцать лет.

– Это миф?

– Нет-нет. Это как раз не миф. Я там был. Мы добрались туда с моими друзьями Маркосом, Хаймесом и Иваном десять лет назад. Интересно, что у долгожителей врачи не выявили сердечных заболеваний, рака, диабета, болезней печени и почек, старческого маразма и артрита. Там же сохранились старые церковные записи девятнадцатого века, в которых указаны даты рождения детей. И эти люди до сих пор живы. К тому же люди в этой местности не знают, что такое отдых, пенсия и старость. Они живут в отрыве от остального мира.

Эспириту-Пампа размещается на небольшом плато по правому побережью реки Пампаконас, в пятистах километрах на северо-запад от Куско. Но здесь ли находилась загадочная Вилькабамба, нет однозначного ответа. Это всего лишь гипотеза. Мне кажется, гипотеза очень правдоподобная.

– Ага! Значит, золото инков все-таки существует?

– Конечно, существует, – Александр засмеялся. – Но вряд ли оно спрятано в городе Мачу Пикчу. Там археологи облазили все, но не нашли ничего, кроме глиняной посуды, бронзовых статуэток и изделий из серебра.

– Жаль. Там так красиво. Я видела фильм об открытии и архитектуре Мачу Пикчу, кажется, он называется «Священная долина Инков».

– Но такая версия, Катюша, существовала. Некоторые ученые до сих пор полагают, что город основали, чтобы охранять зарытые под ним запасы золота.

– Вот видишь! – Катя не успокаивалась. – Хотя ты и не считаешь такую версию возможной, есть ученые, которые с тобой не согласны!

– Я нахожу такую версию маловероятной. Кстати, поисками золота инков занимались Маркос и Иван. Маркос искал все больше на бумаге – писал романы и исследовал древние рукописи, а вот Иван ходил в экспедиции, основал что-то вроде ассоциации, которую поддерживали местные власти и даже финансировали раскопки.

– Ну, если уж твои друзья считают, что золото инков существует, значит, так и есть. Может, ты поэтому в Перу летишь? За сокровищами?

– Увы, Котенок. Не за сокровищами. У нашего друга случилась беда. Погибла дочь. Я отправляюсь туда, чтобы поддержать его.

Он не сказал Кате, что дочь Ивана была убита, а он – Александр – занялся расследованием. Зачем пугать ее? Потом... Потом, по приезде, наверняка расскажет. И о Зиночке, и о Камиле – красивой перуанской девочке, жизнь которой оборвалась в четырнадцать лет. И о своих друзьях.

А сейчас он был доволен, что Катя оказалась именно такой, какая ему была нужна. Такая Катя ему очень нравилась!

– Я понимаю, Саша. Конечно, отправляйся к друзьям. Только не пропадай надолго. Звони. Я буду ждать.

– Обещаю.

– И еще обещай кое-что, – она заговорщицки прищурилась.

– Что же я должен пообещать? – он был заинтригован.

– Если найдешь золото инков, привези мне маленькую золотую игрушку.

– Вряд ли я найду золото, – он рассмеялся, – но игрушку я тебе привезу. Золотую. В магазине куплю.

– Я из магазина не хочу. Хочу настоящую. Инкскую! – вздохнула она.

– Что ж, придется искать сокровища. Если моя женщина хочет, надо искать.

– Как ты сказал?

– Я сказал, надо искать.

– Нет, не это... Ты сказал... – она смутилась. Смутили ее, конечно же, другие слова.

Александр догадался, о чем она говорит, но сделал вид, что не понимает. Да, он произнес эти слова... «Моя женщина»... Скорее всего, так и есть.

– Ладно, Кузнецов, не буду тебя напрягать. Я, между прочим, на работе. Уже полчаса с тобой беседую. Хорошо, начальник не видит.

– Я на связи, Котенок. И... спасибо.

– За что?

– За то, что правильно поняла и не обиделась за Таиланд.

– Пока. Я тебя целую.

И не дожидаясь ответного поцелуя, Катя нажала на отбой.

Potius sero, quam nunquam (лучше позже, чем никогда). Москва. Наши дни

Ровно в девять утра Александр стоял у двери следователя прокуратуры, который вел давнее дело Зинаиды Кусаиновой в девяностом году. Вернее, у бывшего следователя.

При первом же рукопожатии Кузнецов понял, что бывших следователей-подполковников не бывает. Цепкий взгляд серых глаз, снисходительная улыбка, лысый череп, подтянутый, плечистый, быстрый в движениях – Семен Михайлович Дикий оказался похож лицом на актера Андрея Смолякова в роли майора милиции из сериала... как же название-то? забыл...

Кузнецов обрадовался: это он – тот самый человек, который вел дело об убийстве Зины. Дикий мало изменился. Правда, тогда он не был лыс, но все остальное: фигура, движения, полуулыбка и, главное, глаза – все осталось прежним. Морщины прибавились, да и только.

– Входи, – Дикий пропустил гостя вперед. – Откуда Иваныча знаешь?

– Я его не знаю, – Александр понял, что речь идет о человеке, без которого встреча с Диким была бы невозможна. – Это приятель моего отца. Так что это отец подсуетился, нашел Иваныча, а тот уже...

– И что же у тебя за дело? – перебил его Семен Михайлович, жестом указав на кресло, – ничего, что я на «ты»?

– Без проблем. Так даже лучше.

– Ну, тогда рассказывай, – сказал он и присел за стол. – Если смогу, помогу.

– Надеюсь, что поможете. Хотя история давняя, возможно, и не вспомните.

Кузнецов вдруг разнервничался. Это не укрылось от взгляда подполковника.

– Ты рассказывай, а я попробую вспомнить, – уже более миролюбиво обратился к нему Дикий.

– Дело было в апреле девяностого года. В Университете дружбы народов, где я в то время учился, убили девушку...

– Зинаиду Кусаинову, если не ошибаюсь, так?

– О! вы вспомнили?! – удивился Александр.

– Я не вспомнил. Я не забывал!

– Надо же. А почему?

– Потому что в моей практике было два нераскрытых преступления. Одно из них – дело Кусаиновой. Я тогда был молод, с буйной шевелюрой, – он усмехнулся, – очень хотелось добраться до преступника и доказать, что я чего-то стою. Однако время было сложное. И подозреваемые все иностранцы. Потом Союз распался, и республики отделились. Родители девушки в один момент оказались гражданами другого государства. Я, кстати, часто вспоминаю то время... М-да... А почему тебе вдруг понадобилось ворошить прошлое?

– Понимаете... Я обещал своему другу из Перу выяснить некоторые обстоятельства.

И Александр рассказал о звонке Маркоса и его сомнениях, о похожих убийствах подростков, совершенных в Перу, и своем обещании помочь в расследовании.

– Вот даже как? Говоришь, произошли похожие убийства в Перу?

– Да.

– А от меня тебе что надо?

Кузнецов растерялся. Неужели Дикий не понимает, что им – Маркосу и Александру – нужна информация! Ведь тогда, в девяностых, им не сообщили, чем закончилось следствие.

– Мне нужна информация. О том, как велось расследование, подозревали ли вы кого-нибудь еще, кроме моих друзей. Тогда вы их чуть ли не каждый день вызывали на допросы. Может, были еще подозреваемые? Кто они? Я вчера весь день потратил на университетские архивы, нашел, как минимум, шесть человек, которые могли быть причастны к делу. Но, возможно, вы их уже брали в разработку. Помогите мне узнать. Могу ли я посмотреть материалы дела в вашей прокуратуре? Я понимаю, что дело давно сдано в архив. Мне вряд ли его покажут. Но если вы замолвите слово... поэтому я к вам и пришел. Хотя самое важное – не документы, а ваше личное мнение. – Кузнецов говорил торопливо, как будто боялся, что Семен Михайлович откажет: «Прости, ничем помочь не могу».

Выговорил и посмотрел на Дикого. Взгляд не отводил, ждал.

– Дело, говоришь, посмотреть хочешь? Ну, ладно, – сказал тот и вышел из комнаты.

Через пару минут зашел, нес в руке старую пухлую папку, связанную веревками.

– Держи.

– Что это?

– Не бойся, не украл, – Дикый засмеялся, увидев испуганный взгляд Кузнецова. – Это копии.

– Вы копии всех дел дома храните?

– Нет. Только двух. Я тебе говорил. Одно досье у меня припрятано из девяносто восьмого года. А в этой папке – то, что ты ищешь. Здесь, кстати, – он постучал по объемной папке, – не только дело Зины Кусаиновой. Тебя ждет сюрприз.

– И как вам это удалось?

– В стране такой бардак творился! Да и у нас в ведомстве было не лучше. Некоторые нечистые на руку сотрудники не только копии, но оригиналы интересных дел прихватывали.

– Можно посмотреть?

– Можно. Но сначала послушай.

Дикий подтянул к себе папку и накрыл ее рукой. Так и держал руку на протяжении своего рассказа, постукивая иногда пальцами по картонной обложке.

– Александр... Как тебя по батюшке?

– Дмитрич. Но лучше без отчества. Проще.

– Ладно, Дмитрич. Как хочешь, – он усмехнулся. – Не смогли мы доказать причастность ваших студентов к убийству Зинаиды. Косвенные улики были, и алиби у большинства – так себе... но, увы, для суда этого было недостаточно. Еще пару человек из вашего университета мы тогда взяли в разработку. Но я, знаешь ли, всех твоих друзей подозревал, думал, договорились они. И покрывают друг друга.

– Договорились?

– А почему нет?

– Такого быть не могло. Я не верю.

– Эх, Дмитрич. Верю-не-верю – это игра такая есть, карточная, а у нас не игра, а факты и доказательства, – фыркнул Дикий и продолжил: – Так вот, про сюрприз. В начале девяносто третьего года наши коллеги из другого округа взяли студента из Южной Америки. Подзабыл сейчас, из какой страны. Парагвай, кажись... В деле все есть, увидишь. Учился он в МГУ. Взяли его, потому что спаивал он своих университетских друзей одним напитком странным. Когда наши товарищи анализ напитка-то провели, проверили по базе данных и обнаружили, что подобной гадостью была напичкана Зинаида перед убийством. Мы парня себе забрали и начали прессовать. Уж больно заинтересовала нас его «водичка». Он, конечно, не признавался. Одно дело – наркотический напиток изготавливал, а другое – убийство. Посадили его на два месяца в СИЗО, сообщили, естественно, консулу и стали собирать доказательства.

Оказалось, захаживал этот студент и в ваш университет, и друзья там у него были. Ну, думаем, удача. Нужно только алиби проверить на эти дни, и все. Почти три года прошло, попробуй, выясни, где юноша был в день убийства! Но мы старались. Нашли его друзей из вашего общежития. Они и сообщили, что приходил он к ним частенько, что играли они в одной команде в волейбол. Все сходилось! Мы уже готовили материалы дела для передачи в суд. И тут!..

Семен Михайлович встал из-за стола, прошелся по комнате. Снова сел и забарабанил пальцами по папке с документами, медленно произнес:

– Новое убийство!

– Что? Еще одно убийство? Не понял. Похожее убийство?

– Да. В конце марта девяносто третьего года, – подтвердил он. – А наш студент-то сидел в СИЗО! Значит, не он совершал эти убийства. Выпустили, конечно. Пожурили за «водичку» и выпустили.

– И кого... ну, убили?

– Подростка шестнадцати лет. Юру Мельникова. Так его звали. – Отчеканил Дикий.

– Мальчик? Не девушка?

– Да. Парнишка совсем молоденький.

– В школе учился?

– В школе. Ходил на подготовительные занятия в МГУ. И в спортивную секцию по волейболу. Э-э... в ваш университет.

– В наш?

– Да. По средам и субботам.

– И его убили в один из этих дней?

– Угадал. Труп нашли неподалеку от Университета дружбы народов.

– Что значит, неподалеку?

– В паре километров.

– Это далеко. Может, совпадение.

– Может, и совпадение. Но есть еще кое-что. Слушай дальше. Юру нашли в подъезде одного заброшенного дома. Дом готовили к сносу. Жильцы там еще не все съехали, но многие квартиры пустовали, и там поселились бомжи. Помнишь ведь, какое время было...

– Помню. И что, мальчика этого напоили и... так же уложили?

– Именно. Криминалисты нашли в крови те же психоактивные вещества. Есть небольшая разница в компонентах и дозировке, но разница не принципиальная. Его ударили по голове и уложили тело в позу эмбриона.

– Боже мой. Что ж это за маньяк такой? Мразь! – нервно сказал Александр и с сожалением спросил Дикого: – Я так понял, что вы его не нашли... Иначе не держали бы копии документов до сих пор у себя дома.

– Не нашли. – Стукнул тот кулаком по столу. – Но студент этот, что в СИЗО сидел, дал нам интересную наводку.

– Какую?

– Ин-те-рес-ную очень. Ты знаешь, что такое мотив преступления? – спросил Дикий.

– М-м-м, кажется, я понимаю.

– Когда мы расследуем умышленное убийство, мы всегда ищем мотив: кому выгодно? зачем? что двигало преступником? Мотив – это побуждение, которым руководствуется субъект, идущий на преступление. Это осознанное побуждение! Преступлений без мотива не бывает.

– А маньяки? Какой у них мотив?

– Маньяки? Это отдельная категория. Я встречался с такими. Страшные люди! Однако в их преступлениях четко прописаны мотивы. Есть так называемые «властолюбцы»; основной

мотив их поступков – утверждение своего превосходства над беспомощной жертвой, стремление компенсировать ощущение собственной неполноценности. Чаще всего мы имеем дело со «сластолюбцами»: они совершают преступления для получения сексуального удовольствия. «Визионеры» – убийцы-психопаты, страдающие бредом и галлюцинациями; «миссионеры» считают себя судьями и убивают, чтобы избавить общество от неких людей, кого они называют «грязными». Есть «каннибалы» и прочая нечисть. Думаю, достаточно перечислил. И все эти люди имеют мотивацию к совершению преступления!

– Так, может, Зину убил маньяк? Ведь все признаки налицо!

– Какие признаки? К какой категории можно отнести данного маньяка? Он не совершил никаких сексуальных действий, не оставил каких-либо знаков. Зина была красивой и светлой девушкой, под категорию «грязных» также никак не подходила. Убийство Зинаиды было умышленным. Кто-то ее сознательно убил. Но зачем? У всех, кого мы подозревали, не оказывалось мотива для убийства. Девушка красивая, добрая, все ее любили. Ревность? Но Зинаида была девственницей, этот мотив тоже отпал. То же самое с парнишкой. Хорошо учился, спортсмен, никому зла не сделал. Почему? За что его убили?

– Да, это главный вопрос. И что вы решили?

– Поначалу мы думали, что у преступника была некая причина для убийства Зины, а тело он уложил в такую странную позу, чтобы сымитировать маньяка, увести следствие в другую сторону. Но потом случилось второе убийство!

– И вы поменяли мнение?

– Не сразу. Кстати, была еще одна маленькая деталь.

– Какая?

– Ящерица.

– ?

– Возле тел мы нашли небольших каучуковых ящериц – то ли игрушки, то ли сувениры. Поначалу, после первого убийства, думали, что это случайная находка или игрушка Зины. У нее ведь была в кулаке зажата маленькая лама.

– Я знаю. Эту ламу подарил ей Маркос, и она не расставалась с ней. А вы нашли ящерицу и у Юры?

– Нашли. Совсем махонькую.

– И что это значит?

– Убийца оставил зачем-то свой знак, – ответил Дикий и замолчал.

Он встал из-за стола, прошелся по комнате, что-то обдумывая.

– Следовательно, это был маньяк? – нарушил молчание Александр. – Говорят, маньяки всегда оставляют определенные знаки. Но по каким критериям он жертв отбирал?

– Вот это правильный вопрос. Знаешь, что общего у Зины и этого юноши?

– Что?

Вместо ответа Семен Михайлович задал новый вопрос:

– Зина была красивой девушкой, не так ли?

– Очень. Она была просто необыкновенно хороша: смесь русской и азиатской крови. На нее многие засматривались. Просто смотрели и наслаждались.

– И мальчик этот... Юра... Он тоже был очень красив. Ангельской красотой. Здесь, в досье, есть его фото, – он постучал по папке, – увидишь.

– Хотите сказать, что маньяку не нравились красивые люди?

– Я тоже так решил. Но потом этот парагваец, которого мы в СИЗО заперли, выдвинул очень интересную версию.

– Даже так?

– Да. И такое бывает. Мы признали свои ошибки, пригласили парня для разговора.

– И? Он что же, объяснил, почему маньяк убивает красивых людей?

– Ты не иронизируй. Слушай дальше. Он другую версию выдвинул!

– Ничего себе!

– Мы пригласили парня и принесли официальные извинения. Обвинения в убийстве с него сняли. Он был рад, конечно. И стал расспрашивать, что стало причиной пересмотра нашего решения. Я рассказал, что произошло второе убийство. В то время, пока он сидел в следственном изоляторе. Так что алиби у него железное. И вот тут парень этот и предложил: «Покажите мне фото убитых». – «Зачем вам?» – «Мне кажется, я знаю, чего хотел убийца». Мы не поверили. Но он настаивал. «Вы говорили, что перед смертью их опоили наркотическим веществом?» – «Да». – «Еще вы говорили, что их тела складывали в виде эмбриона?» – «Да». – «Тогда это может быть ритуальное убийство. Очень похоже». – Дикая приподнялся со стула, подался телом вперед, чуть ли не лег на стол. – Я сначала не понял, что он имел в виду. А студент уточнил: «Это может быть жертвоприношение!»

– Что? – Александр поперхнулся.

– Да-да. – Семен Михайлович вернулся на место, сел ровно и продолжил: – Он так сказал и даже название этого ритуала знал. Какая-то... туча... Не помню. Здесь все написано, – он снова стукнул по папке.

– Капак хуча? – тихо переспросил Кузнецов.

– Да. Она самая.

– Не может быть!

– И я ответил, мол, не может быть. На дворе конец двадцатого века, мы ж не в Африке живем, а в Москве. А он возразил: «Это не африканский обряд. Это ритуал инков». Великое, понимаешь ли, жертвоприношение! Индейским богам!

– Бред какой-то. К тому же при обряде капак хуча умерщвленных детей не укладывали в позу зародыша. И я ничего не слышал о ящерицах.

– И тем не менее мы нашли специалиста, профессора из вашего университета, который разбирается в инкских традициях, пригласили, расспросили про этот ритуал. И знаешь... – Дикая утвердительно качнул головой, – многое совпало! Вот тебе и мотив. Убийца выбрал красивую девушку и красивого юношу, принес их в жертву своим богам. Ему одному был известен смысл ритуала; его поступок имел конкретную цель, которая нам неясна. Но она была. И это объясняет преступление. Если это так, любой из твоих друзей или кто-то из тех иностранных студентов, которых мы вызывали на допрос... – он указал на папку и продолжил: – *Любой* мог совершить преступление. Этот человек просто выбирал жертвы и приносил их в дар своим богам, мать их! – Дикая нервно хохотнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.